

ПОСЛЕПРОТЕСТНАЯ РОССИЯ: НОВЫЙ КУРС И НОВАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ, НОВЫЕ ФОРМАТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ, НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС

С.А. Бабуркин, Е.В. Михайлова СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ НОВОВВЕДЕНИЙ В ПРОЦЕДУРУ ГОЛОСОВАНИЯ (НА ОСНОВЕ ОПЫТА ВНЕДРЕНИЯ КОИБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИЕЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

БАБУРКИН Сергей Александрович — доктор политических наук, председатель Избирательной комиссии Ярославской области, заведующий кафедрой политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. E-mail: baburkin@mail.ru

МИХАЙЛОВА Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. E-mail: nmev649@mail.ru

Ярославская область — один из субъектов Российской Федерации, где в ускоренном режиме осуществляется техническая модернизация избирательной системы, в частности внедрение автоматизированного способа голосования и обработки бюллетеней посредством автоматизированных комплексов обработки избирательных бюллетеней (далее — КОИБ) в процедуру выборов. 14 октября 2012 г. в Ярославле состоялись выборы депутатов муниципалитета г. Ярославля шестого созыва, голосование на всех избирательных участках города впервые было организовано с использованием КОИБ.

Для выявления реакции ярославских избирателей на внедрение КОИБ центром социально-политических исследований ЯГПУ им. К.Д. Ушинского по заказу Избирательной комиссии Ярославской области было проведено социологическое исследование: «Ярославские избиратели о технических нововведениях в работе избирательных комиссий и доверии к выборам». Исследование проходило с 15 по 18 октября 2012 г., в нем приняли участие 395 жителей Ярославля, проголосовавших на выборах депутатов муниципалитета г. Ярославля 14 октября 2012 г. Метод исследования — телефонный опрос.

Результаты проведенного исследования указывают на однозначно позитивный характер социального восприятия внедрения технических нововведений в процедуру голосования.

Переход на новую автоматизированную процедуру голосования стал для ярославцев комфортным, не доставив ощутимых неудобств — жалобы на затруднения при использовании КОИБ носили единичный характер. У подавляющего большинства ярославцев, пришедших на выборы 14 октября 2012 г. — 96,7% — никаких затруднений при использовании КОИБ не возникло.

Ко дню проведения выборов большинство ярославцев — 70,1% — были осведомлены о том, что голосование будет осуществляться посредством КОИБ. Наиболее эффективным средством информирования избирателей стали региональные СМИ, второй по уровню целевой достижимости источник — информация, содержащаяся в приглашениях на выборы.

Автоматизированную систему голосования и подсчета голосов ярославцы оценили не только как достаточно удобную для избирателя, но и сочли ее более надежной, чем

ручная обработка бюллетеней с точки зрения обеспечения точности и достоверности результатов выборов. Распределение ответов на вопрос об объективности результатов подсчета голосов с использованием КОИБ указывает на предпочтительность новой автоматизированной процедуры:

- большинство — 54,5% — указали, что использование КОИБ повысило точность подсчета голосов, так как был полностью исключен человеческий фактор;
- каждый пятый — 20,4% — отметил, что использование КОИБ никак не повлияло на результаты подсчета голосов.

Уровень недоверия и сомнений в достоверности подсчета голосов посредством КОИБ весьма незначителен — подозрения в возможности подтасовки результатов голосования при помощи КОИБ возникли у 5,9% ярославских избирателей.

В целом, относительно перехода на автоматизированную систему голосования ярославцы высказали последовательную, непротиворечивую позицию: поскольку использование КОИБ не вызывает каких-либо неудобств и исключает человеческий фактор при подсчете голосов, переход на автоматизированную систему голосования получил высокий уровень поддержки у ярославских избирателей. Положительно отнеслись к внедрению КОИБ, считая данную меру целесообразной и оправданной 66,3% ярославских избирателей; восприняли внедрение КОИБ безразлично, без очевидного негатива 28,6%. Уровень социального неприятия внедрения КОИБ в процедуру голосования объективно низок — о своем однозначно негативном отношении к данной мере заявили 4,6% ярославских избирателей.

Необходимо отметить, что бесконфликтному переходу на автоматизированную процедуру голосования в немалой степени способствовал высокий уровень доверия ярославцев избирательной системе. Совокупный уровень общественного доверия избирательным комиссиям, рассчитанный по позициям «полностью доверяю» и «скорее доверяю», по результатам данного исследования составил 68,5%, что почти в 3 раза превышает совокупный уровень недоверия — 23,4%. Сравнивая результаты настоящего исследования с результатами предыдущего замера отношения жителей г. Ярославля к избирательному процессу (ноябрь 2011 г.), невозможно не заметить значительного усиления значимости выборов как способа демонстрации отношения общества к власти — в ноябре 2011 г. на нее указали 47,5% ярославцев, а в октябре 2012 г. — 90,6%. Итоги выборов депутатов Государственной Думы РФ, выборов мэра г. Ярославля 2011–2012 гг. укрепили ярославцев в мысли о том, что выборы — это способ продемонстрировать власти свое недовольство и что этот способ действительно работает — недовольство фиксируется честно и объективно. В силу этих обстоятельств ярославские избиратели рассматривают переход на автоматизированную систему голосования и подсчета голосов исключительно в его целевом аспекте — как инструмент технического и организационного совершенствования избирательного процесса, и не склонны связывать с данным нововведением гипотетическую возможность подтасовки результатов голосования.

Д.Н. Баринов
КАРНАВАЛИЗАЦИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ 2011–2013 гг.:
СОЦИОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

БАРИНОВ Дмитрий Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Смоленского государственного университета, директор центра маркетинговых и социологических исследований «Новаленсо». E-mail: centre@novalenso.com

Ряд наблюдателей и исследователей обратили внимание на то, что протестная волна 2011–2013 гг. отличалась позитивными настроениями. Сами участники протестных акций подчеркивали особый дух веселости, царивший на протестных мероприятиях.

Изучение протестной активности 2011–2013 гг. позволяет говорить о том, что у акций протеста имеется много общего с элементами карнавала, описанными М.М. Бахтиным. Несмотря на то что акции протеста 2011–2013 гг. не являются карнавалом в строгом смысле этого слова, не несут на себе той смысловой нагрузки, которая была характерна для эпохи Средневековья и Ренессанса, дух и атмосфера карнавала, а также его основные черты, выделенные и проанализированные М.М. Бахтиным, узнаваемы и легко угадываются. Это смеховое начало, выступающее альтернативой официальной серьезности; отрицание официальной иерархии и замена ее на отношения равенства и свободы (один из лозунгов — «Да здравствует горизонталь!»); ругательства, брань, служащие снижению, развенчанию символов официальной культуры; переодевания, костюмированный характер протеста; смещение верха и низа с акцентами на телесном, сексуальном контакте («Протест — это сексуально!»); веселое погребение существующего мира и утопические надежды на рождение нового порядка [1]. Все это в той или иной степени присутствовало и на митингах протеста в 2011–2013 гг.

На наш взгляд, среди всех признаков карнавала наиболее важным для понимания специфики протестной активности является атмосфера праздника, народно-праздничный характер протестных действий. Именно праздничность и народно-площадной характер митингов протеста показывают особенности генезиса и развития протестной активности.

Как отмечал Ю.М. Лотман, праздник характеризуется четкими пространственными и хронологическими рамками [2]. Праздник ограничен во времени и в пространстве, он отличается от будничной повседневной жизни тем, что имеет особое пространство и точный срок, который заканчивается, истекает. Время окончания праздника означает его переход в состояние рабочих будней, которые уже не знают праздничного веселья.

Такая четкая граница имела и в протестных акциях 2011–2013 гг. Пространственно протестные акции отделялись местом шествия и местом проведения митингов, которые символически ограждались от остального мира забором и живой силой представителей органов правопорядка. Хронологически акции протеста 2011–2012 гг. совпадали с грядущими официальными праздниками, на которые накладывались выборы в Государственную Думу и выборы Президента РФ. При этом предстоящие праздники символически связаны с окончанием календарного периода (Новый год, Рождество, масленица), а также с выборами, которые являются рубежом, отделяющим довыборное состояние от послевыборного, старый год от нового. Отсюда характерный для карнавала утопический оптимизм и надежды на рождение нового социального порядка.

Одним из элементов этих надежд, фундированных хронологически предстоящими праздниками и выборами, является использование в ходе праздника костюмов (Робокоп, Человек-танк, Человек-яйцо, хомячки, Дед Мороз (А. Троицкий), Масленица (Е. Чирикова)). Костюмы выступают элементом карнавальной трагедии, они коммуницируют о превращении реального, официального мира в неофициальный, сказочный. Мотив сказки, волшебства в данном случае не случаен. Надежды на крушение старого мира и рождение нового в данном случае обнаруживают подсознательное ощущение невозможности в скором времени такого превращения в реальной жизни, что отвечает утопизму карнавального мировосприятия. Поэтому сама смена политической системы в идеологии протеста выступала в форме сказочного мотива, волшебного действия, которое могло разыграться на карнавале, но не в реальной жизни. Не случайно после проведения выборов, после окончания праздников (Нового года, Рождества, масленицы) протестное движение пошло на спад. Мартовская акция протеста 2012 г., собравшая уже существенно меньше людей, сопровождалась гудением клаксонов проезжавших мимо автомобилей, водители которых выражали сочувствие и поддержку, но лично в акции не участвовали. Для них праздник уступил место рабочим будням. Отсюда становится понятен и призыв оппозиционеров ходить на акции протеста как на работу.

Праздничный характер протеста, имевший место в акциях 2011–2013 гг., указывает на двойственность их генезиса и развития. С одной стороны, протест в качестве праздника — это временное, преходящее явление. Праздник неизбежно должен завершиться, он имеет свое начало и свой конец и заканчивается возвращением к повседневности. Как и любой праздник, протест рано или поздно должен закончиться. И тот факт, что в качестве авангарда протеста назывался средний класс («креативный класс») лишь подтверждает тезис о временном характере протеста в форме праздника. Средний класс, который самостоятельно зарабатывает себе на жизнь, не может позволить себе бесконечный праздник. Его кредо: делу — время, потехе — час.

В то же время праздник в форме протеста имеет тенденцию к рецидиву. Протестный потенциал не исчез, он способен вновь активизироваться в форме прежде всего продолжения праздника, если для этого праздника есть повод. Об этом свидетельствуют и попытки продолжить летний протест 2012 г. в форме народных гуляний. Это означает, что веселый протест в форме воскресного отдыха является латентным. Вероятно, поэтому зимние протесты 2011 г. стали неожиданными для многих социологов. Потенциал такого протеста не выявляется традиционными инструментами количественных массовых опросов. Намерения празднично провести выходные дни вовсе не обязательно должны количественно измеряться посредством вопросов о возможности протеста в регионе проживания респондента и его потенциальном участии в нем.

В связи с этим возникает вопрос о том, кто или что создает повод для народно-площадного всплеска протестной активности? Что является мобилизирующим активностью фактором? На наш взгляд, мобилизирующей силой протестов является восприятие людьми существующих общественных противоречий, способы разрешения которых вызывают определенный эмоциональный отклик, принимающий форму народно-площадного смеха. При этом чем более праздничными, по сути своей карнавальными, абсурдными с точки зрения повседневного здравого смысла, являются способы решения общественных проблем, тем больше карнавального отклика со стороны участников протестных митингов. Но это означает, что перспективы протеста ограничены пространственно-временными

рамками воскресного праздничного отдыха, карнавала. Поэтому, несмотря на достаточно массовый для крупных городов характер протестов, их успех не является безусловным.

Данная точка зрения имеет следующие основания.

Во-первых, существуют довольно значительные различия в оценках действий власти в центре и регионах, в мегаполисах и небольших городах, а также в сельской местности. Социально-экономическая дифференциация географических и территориальных различий ставит семиотические барьеры на пути понимания и осмысления происходящего. Праздничный народно-площадной смех мегаполиса далеко не всегда понятен жителям маленьких городов и сел.

Во-вторых, локализация новых смыслов, остающихся на данный момент в узком семиотическом пространстве карнавала, празднично-площадного шествия обусловлена таким фактором, как действие традиционных СМИ. На сегодняшний день прежде всего телевидение остается ключевым каналом формирования информационного пространства. Интернет, выступающий основой горизонтальных коммуникаций и способный формировать альтернативную точку зрения, пока не вытеснил традиционных СМИ и не стал источником новостей и интерпретаций происходящего для большинства. Кроме того, наиболее активная аудитория Интернета — молодежь — традиционно проявляет себя аполитично.

В-третьих, в стремлении переосмыслить существующее символическое пространство официальной культуры, в попытках довести послания власти до абсурда и тем самым в лучших традициях карнавала провести новое означивание уже известных событий протестующие остаются в пределах коммуникативного пространства и языка своих оппонентов. Абсурдизация официального символического пространства как механизм травестики смысла удается только в рамках карнавала, в пределах праздника и фактически не выходит за его границы. Абсурд, ориентированный на карнавальное выворачивание официальных смыслов наизнанку, не становится действительным средством массового распространения новых значений, способных оказать реальное воздействие на изменения политической системы и принятие политических решений. Однако это функционально соответствует месту и времени карнавала как утопического царства всеобщей свободы, а не сфере реальной жизни.

Литература:

- 1 Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990.
- 2 Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М.: Просвещение, 1988.

М.В. Елина, Е.Б. Логинова, М.Г. Садовский
ОДИН СПОСОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ
К КАНДИДАТУ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРИОД
ДОСРОЧНЫХ ВЫБОРОВ ГЛАВЫ г. КРАСНОЯРСКА)

ЕЛИНА М.В. — социолог, Красноярск. E-mail: elinamv@gmail.com

ЛОГИНОВА Екатерина Борисовна — социолог ТРК «Прима», Красноярск. E-mail: borisovna111@yandex.ru

САДОВСКИЙ Михаил Георгиевич — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института вычислительного моделирования СО РАН. E-mail: msad@icm.krasn.ru

Выявление и описание отношения избирателей к кандидату (либо действующему политику) является важнейшей прикладной задачей; изучение отношения к публичным фигурам имеет и фундаментальный интерес. Для этого требуется специальный подход и специальный инструментарий; мощным средством в этой ситуации могут стать проективные методики [1, 2].

Специфика самого такого исследования заключается в том, что представления о кандидате, действующем политике либо об ином публичном деятеле (далее — актор) у респондентов носят в основном вербальный характер. Это в первую очередь связано с самим жанром публичной деятельности: она в основе своей является коммуникативной и основывается на речевых образах и представлениях об акторе.

Нами был предложен способ определения отношения к актору и его восприятия респондентами, основывающийся на новой проективной методике, использующей лишь речевые опорные образы. Этот способ был апробирован на досрочных выборах главы г. Красноярск в июне 2012 г. и показал свою высокую эффективность.

Способ исследования базируется на использовании русских пословиц и поговорок в качестве стимульного материала. Респондентам предлагалось оценить, насколько тот или иной кандидат соответствует данной пословице (поговорке) и указать свой выбор. Идея этого метода основывается на том факте, что пословицы и поговорки представляют специальный класс лингвистических явлений [3], занимая промежуточное положение между (обычным) высказыванием и отдельным словом (лексемой); дело в том, что смысл пословицы (поговорки) не выводим (в отличие от обычного высказывания) из семантики составляющих его слов. Тем самым пословица (поговорка) становится фактически неделимой языковой единицей, существующей в сознании респондента как целое.

Выбор конкретных пословиц (поговорок) диктуется задачами конкретного исследования: они должны описывать те характеристики акторов, оценки которых респондентами добивается исследователь. Разнообразие и богатство пословиц (поговорок) достаточно велико, чтобы можно было подобрать релевантные единицы лексического материала для самых разных задач исследования [4, 5].

Мы изучали указанным методом восприятие жителями Красноярск кандидатов на должность главы города, прошедших этап регистрации, на досрочных выборах главы в июне 2012 г. Данные выборы характеризовались, с одной стороны, достаточно сильным общественным напряжением, порожденным прошедшими в декабре 2011 г. выборами в ГД ФС РФ и президентскими в марте 2012 г., а с другой — сильным дефицитом сколько-нибудь привлекательных для избирателей акторов от оппозиции. Кандидат от партии власти

(Акбулатов Э.Ш.) был к тому моменту уже 5 месяцев исполняющим обязанности главы города, после добровольного ухода со своего поста предыдущего главы. Посредством так называемых первичных выборов был определен единый кандидат от оппозиции (Коропачинский А.Ю.), однако в целом в выборах принимали участие 7 кандидатов, из которых оппозиционным был еще один (Подкорытов А.В.), двое — техническими (Иваныч М.С. и Коврова Н.Б.), еще один (Осколков М.А., формально поддержанный КПРФ, однако со скандалом потерявший эту поддержку) — спойлером и еще один (Мещеряков А.Н., самовыдвиженец, при поддержке «Справедливой России») — независимым кандидатом.

Респондентам предлагался набор из 12 пословиц, которые нужно было соотнести с каким-то кандидатом на пост главы города. В исследовании использовались следующие пословицы: «Наводит тень на ясный день», «Видом сокол, а голосом ворона», «Люди пахать, а он руками махать», «Сказано — сделано», «От него, как от козла, — ни молока, ни шерсти», «Доверили козлу капусту», «Не человек местом красится, а место человеком», «Сам тетерев, а хочет выглядеть павлином», «Хоть лыком шит, да начальник», «Насильно мил не будешь», «Был двойкой хорош, а тузом не годится», «Лясы точит да людей морочит». Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос: «С каким кандидатом из предложенного списка у Вас ассоциируется та или иная поговорка?», %

Пословицы/поговорки	Кандидаты				Затрудняюсь ответить
	Коропачинский	Осколков	Акбулатов	Подкорытов	
Наводит тень на ясный день	33%	22%	13%	10%	22%
Видом сокол, а голосом ворона	18%	33%	22%	6%	21%
Люди пахать, а он руками махать	27%	19%	22%	7%	25%
Сказано — сделано	17%	5%	26%	11%	42%
От него, как от козла, — ни молока, ни шерсти	11%	36%	13%	22%	17%
Доверили козлу капусту	38%	10%	28%	6%	18%
Не человек местом красится, а место человеком	11%	8%	27%	18%	36%
Сам тетерев, а хочет выглядеть павлином	29%	30%	14%	8%	18%
Хоть лыком шит, да начальник	16%	3%	34%	11%	36%
Насильно мил не будешь	23%	8%	33%	7%	29%
Был двойкой хорош, а тузом не годится	16%	21%	14%	21%	28%
Лясы точит да людей морочит	36%	18%	21%	7%	18%

Результаты, представленные в таблице 1, показывают, что наибольшие затруднения при атрибуции кандидатов как субъектов пословиц (поговорок) вызвали поговорки «Сказано — сделано», «Не человек местом красится, а место человеком», «Хоть лыком шит, да начальник» (количество респондентов, затруднившихся с ответом, составило более трети от всех). К сожалению, мы не можем с точностью судить о причинах, по которым у респондентов не возникло устойчивых ассоциаций с определенными кандидатами (выбранный способ исследования не позволял это узнать). Вполне возможно, что смысл

данных пословиц не совсем понятен людям. Тем не менее некоторые пословицы весьма тщательно смогли охарактеризовать сложившуюся ситуацию в городе во время политической кампании. Так, среди респондентов чаще всего с пословицей «*Насильно мил не будешь*» ассоциировались два кандидата: исполняющий обязанности главы города Э. Акбулатов (33%) и кандидат от «Справедливой России» А. Коропачинский (29%). Если первый актер занимал существенное пространство в информационном поле (репортажи с его участием выходили почти каждый день в местных новостях на протяжении всей кампании), то второй активно присутствовал в «уличном поле» (АПМ были обклеены здания, большой тираж газет, листовок и т.п.). Поэтому многие избиратели (в том числе данные были получены и на многочисленных фокус-группах) к концу кампании просто устали от этих кандидатов.

Таким образом, в будущем планируется решить несколько задач для усовершенствования данного метода. Во-первых, нужно определить тот набор пословиц/поговорок, который давал бы относительно одинаковые результаты при измерении отношения к чему-либо, не сильно различающемуся. И во-вторых, необходимо узнать однозначно ли понимают респонденты предложенные им поговорки/пословицы (слышали ли они вообще когда-нибудь их).

Литература:

- 1 Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 176 с.
- 2 Беллак Л. О проблемах концепции проекции. Теория апперцептивного искажения // Проективная психология. — М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 10–29.
- 3 Семененко Н.Н., Шипицына Г.М. Русская пословица: функции, семантика, системность — Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. — 170 с.
- 4 Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь — Ростов н/Д.: Феникс, 2008. — 590 с.
- 5 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 784 с.

Р.В. Евстифеев
ЭЛИМИНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭЛИТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ
КАК ДРАЙВЕР ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

ЕВСТИФЕЕВ Роман Владимирович — доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии Владимирского филиала РАНХиГС. E-mail:roman_66@list.ru

Различные проекты социально-политического развития при демократических режимах обретают легитимность в ходе политической конкуренции. При этом основными стратегиями поведения элиты в процессе политической конкуренции могут быть следующие: мелиоративная, направленная на представление своих лучших качеств перед гражданами; консенсусная, предполагающая изменения, направленные на ценностно-прагматические соглашения с конкурентами/партнерами; элиминационная, направленная на осложнение действий конкурентов вплоть до их уничтожения [1, с. 16–19].

В условиях политического кризиса выбор политических стратегий приобретает особую жесткость и определенность.

Приближению политического кризиса конца 2011 г. предшествовал более чем 8-летний спад политической активности населения, который сопровождался развитием следующих факторов:

- специализированные действия государственной власти, направленные на стабилизацию политических отношений путем увеличения входных барьеров на участие в политике, установление ограничений на создание и деятельность политических партий;
- действия основных игроков на политическом поле, принявших новые правила игры и наполнивших институциональные новшества новыми ценностями и технологиями;
- развитие неформальных практик, связанных с нивелированием ценностей честной политической конкуренции и установкой на победу любой ценой.

В результате с 2003 по 2011 г. вкладываемые в избирательные кампании ресурсы существенным образом переместились от выстраивания коммуникаций с гражданами к действиям по осложнению действий и недопущению конкурентов до выборов.

С точки зрения теории, предложенной Дугласом Нортон, выбор элитами элиминативных стратегий конкурентной борьбы в условиях политического кризиса можно рассматривать как движение по направлению к сохранению порядка ограниченного доступа [2]. При этом не происходит характерных для кризисной ситуации изменений и трансформаций, ведущих к выходу из кризиса, который лишь углубляется, хотя и может переходить в латентную форму.

Идеологически элиминативные стратегии вытекали из комплекса идей и принципов, свойственных социальным порядкам ограниченного доступа и сложившихся в так называемые нулевые годы в России.

Во-первых, сохранение в целом сложившейся к концу 1990-х гг. структуры распределения всенародной когда-то собственности.

Во-вторых, создание технологически и политически более эффективной модели распределения доходов от продажи природных ресурсов при концентрации большей части этих доходов в руках доверенных лиц.

В-третьих, обеспечение и защита опережающего роста прибыли крупных предпринимателей, монополистов, государственных корпораций и холдингов.

В-четвертых, при соблюдении первых трех условий безусловное обеспечение минимальных социальных стандартов жизни большинства населения с тенденцией их повышения.

В-пятых, градуированность, медленная постепенность в развитии, особенно касающемся социальных вопросов, суперинкрементальный характер изменений.

В-шестых, футуральность, «аллопатическая темпоральность», т.е. ориентация на «светлое будущее» в противовес несовершенному настоящему [3, с. 17].

В-седьмых, ориентация на элитарное строение политического пространства и социума в целом.

В-восьмых, минимизация активного организованного и неподконтрольного власти вмешательства граждан и населения в целом в борьбу за свои интересы как на уровне предприятий, места жительства, так и на политическом уровне.

Технологически элиминативные стратегии политической конкуренции и обретения формальной легитимности опирались на:

- системные дыры в безопасности российской избирательной модели;
- установленные законом карательные функции избирательных комиссий всех уровней;
- особенности судебной системы;
- специфику работы правоохранительных органов в рамках избирательного процесса;
- особенности целевых и ценностных установок избирателей, политических партий и политических элит.

Политический кризис конца 2011 г. во многом был ответом слабого, незащищенного и политически малоактивного общества на доминирование элиминативных стратегий в политической конкуренции, причем как у правящей элиты, так и у контрэлиты. Подобное доминирование вообще сводило на нет политическую конкуренцию и положительный эффект от демократических процедур. В этих условиях часть граждан увидела необходимость высказаться против того, что, как им казалось, мешает политической конкуренции, прежде всего против коррупции и морального разложения основных политических акторов.

Однако ни сам политический кризис, ни развитие элиминативных стратегий невозможно объяснить только моральной негодностью или коррумпированностью элит. Данные стратегии в сложившемся институциональном дизайне позволяют правящему классу с меньшими издержками воспроизводить свою власть, легитимируя ее формальными демократическими процедурами, по сути поддерживая социальные порядки ограниченного доступа.

Литература:

- 1 Евстифеев Р.В. Элиминативные стратегии в системе политической конкуренции современной России // Тезисы участников научного семинара «Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах». – М., ИНИОН, 2010. С. 16–19.
- 2 Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
- 3 Саква Р. Дуалистичное государство в России: параконституционализм и парapolитика // ПОЛИС. 2010. № 1.

А.А. Злотников

ТИПОЛОГИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

ЗЛОТНИКОВ Андрей Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого. E-mail: azoloto@tut.by

Объектом исследования выступали совершеннолетние жители Гомельской области, при отборе респондентов использовалась квотно-пропорциональная выборка. Доверительная вероятность — 95%. Статистическая ошибка выборки — 2,5%. Полевые работы были проведены перед выборами в белорусский парламент в июне-августе 2012 г. Опрос проводился по месту жительства, учебы и работы респондентов.

Результаты социологического опроса говорят о низком уровне политизированности электората Гомельской области. Респонденты не испытывают потребности в изучении специфики работы законодательной власти. Только 3% опрошенных отмечают, что они хорошо знают, какую работу депутат палаты представителей Национального собрания проводит в их округе, 26% — знают частично, а 71% — совсем не знают. У граждан Гомельской области нет ярко выраженного стремления к изучению содержания работы депутатов, представляющих их округа.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что решение о выборе конкретного кандидата в депутаты формируется у избирателей Гомельской области за несколько дней до выборов или даже в день выборов на избирательном участке.

Для нашего исследования целесообразной является типология избирателей, включающая три кластера респондентов в зависимости от степени их готовности участвовать в предстоящих выборах.

О своем участии в предстоящих 23 сентября выборах депутатов парламента — палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь заявили **59%** граждан. К группе **неопределившихся**, т.е. тех, кто еще не принял окончательного решения о своем участии в парламентских выборах, по данным нашего исследования, можно отнести около трети респондентов — **30%**. К третьей группе относятся те респонденты, которые однозначно решили **проигнорировать** выборы и не принимать участие в голосовании; их всего **11%**.

Для первой группы респондентов («участвующих») основные мотивы участия в выборах следующие: *патриотизм и гражданский долг* («считаю участие выборах своим патриотическим и гражданским долгом»); *традиционализм* («всегда участвую в выборах»); *мотивация соучастия* («хочу помочь, оказать поддержку своему кандидату»); *рационально-экономический* («на организацию и проведение выборов затрачены большие финансовые средства и усилия людей»); *мотив заинтересованности* («мне нравится участвовать в политическом процессе и т.д.»).

При анализе категории **«неопределившихся»** респондентов, кроме социально-демографических аспектов важнейшим фактором, который оказывает влияние на готовность участвовать в выборах депутатов парламента, является степень удовлетворенности некоторыми условиями социальной жизнедеятельности.

Следует отметить, что в структуре «неопределившихся» почти в 2 раза ниже (7,8%), чем в целом по выборке (15%), удельный вес респондентов, которые знают, кто является территориально депутатом парламента в округе его местожительства.

Третья категория респондентов, которую мы выделили по итогам исследования, **собирается проигнорировать выборы**. Данную группу образовали 11% респондентов. По своим социально-демографическим признакам эта группа имеет ярко выраженное гендерное лицо. Так, в эту группу входит почти в 2 раза больше мужчин. В разрезе возрастных характеристик наименьшую готовность идти на выборы выражают молодые люди. Образовательный уровень данной категории респондентов подтверждает уже выявленную закономерность: чем ниже степень образования, тем выше число респондентов, готовых проигнорировать выборы. По социальному статусу среди тех, кто предполагает проигнорировать выборы, больше всего безработных (33%), предпринимателей (28%) и студентов (19%). Самый низкий показатель среди работников бюджетной сферы (5%) и пенсионеров (9%).

Результаты нашего исследования говорят о том, что в структуре тех, кто собирается **проигнорировать выборы** минимальный удельный вес так называемого *протестного электората*. Скорее всего представители *протестного электората* оценивают политическую обстановку в Беларуси как плохую или очень плохую; они совершенно или скорее не согласны с тем, в каком направлении в стране развиваются дела; полностью или скорее не доверяют президенту Республики Беларусь. Число таких людей среди *игнорирующих* выборы колеблется от 12,3 до 9,4%. Таким образом, в общем объеме выборки удельный вес указанных респондентов может составить от 1,4 до 1%.

Исследование позволяет определить **условия, от которых зависит выбор того или иного кандидата**. Так, *основными факторами*, по определению самих респондентов, являются деловые, личностные качества, а также опыт хозяйственно-распорядительной деятельности и экономическое образование. На вопрос анкеты о возможной профессионально-статусной характеристике кандидата в депутаты почти половина (49%) респондентов высказали мнение о том, что «*мне не важна его профессия, должность, главное — деловые качества*». По 12% участников опроса предположили, что скорее всего проголосуют за *руководителя, хозяйственника и экономиста*. Незначительной популярностью в целом среди респондентов пользуются *юристы* — 6% и *политики* — 5%. Почти каждый десятый (8%) указал, что ему все равно, какой статус или профессия у кандидата в депутаты.

В очень слабой степени на выбор избирателя влияет *политическая принадлежность* кандидата в депутаты. В сумме только 19% респондентов указали на определенные политические симпатии, но вместе с тем, если проанализировать эти данные в разрезе конкретных партий, только одну из них упомянули всего 5% респондентов, а три из них — по 3% опрошенных. Наибольшее число упоминаний (5%) принадлежит *Республиканской партии труда и справедливости*. Правомерно предположить, что не каждый из этой группы респондентов знает программу, лидера, представителей данной партии и ее конкретную деятельность. Следует констатировать тот факт, что в соответствии с данными Института социологии НАН Беларуси [1], рейтинг политических партий имеет разброс популярности среди избирателей от 1,9 до 0,1%.

Низкая популярность политических партий как в нашей области, так и в республике целом объясняется целым комплексом факторов. На наш взгляд, основные — это недоверие людей по отношению к партиям и их возможностям решать конкретные

жизненные проблемы; низкий уровень интереса граждан к деятельности партий; отсутствие у политических партий ярко выраженных политических лидеров, их несменяемость; отсутствие у политических партий каналов информирования о своей деятельности; неясность и неконкретность идеологических платформ и политических программ для большинства избирателей и т.д.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на решение о выборе конкретного кандидата в депутаты у избирателей существенно влияет информация о деловых и личностных качествах кандидатов, среди которых особое место занимают качества, присущие современным белорусским руководителям (хозяйственникам), имеющим положительный опыт решения проблем экономического характера. Существенную роль при принятии решения будет иметь наличие информации о том, каким образом кандидат в депутаты парламента будет решать проблемы социальной и личной жизнедеятельности, наиболее беспокоящие электорат: инфляция, рост цен; пьянство, наркомания; цены на коммунальные услуги; решение жилищной проблемы; работа служб ЖКХ. Важным фактором успеха, на наш взгляд, является идентификация кандидата со своими избирателями, на основе общих ценностей: семья, здоровье, материальный достаток, любовь, хорошие друзья. Также большое значение имеет демонстрация знания и понимания разрешения ключевых социальных проблем, которые беспокоят граждан: *наркомания; пьянство; инфляция и рост цен; коррупция; цены на коммунальные услуги; решение жилищной проблемы и бюрократизм*. Учитывая *апартийность* избирателей нецелесообразно делать акцент на партийной принадлежности и партийных программах.

Литература:

- 1 Политические партии Беларуси: миф или реальность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://socio.bas-net.by/artdetailed.php?id=28>.

А.В. Кинсбургский
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ
И СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

КИНСБУРСКИЙ Александр Владимирович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, исполнительный директор Центра исследований общественного мнения «Глас народа». E-mail: alex_kins@mail.ru

В отечественной общественной науке и в обыденном сознании массовую протестную активность принято связывать с повышенной социальной напряженностью. Именно поэтому спад протестного движения в настоящее время по сравнению с периодом годичной давности (конец 2011 – первая половина 2012 гг.) нередко пытаются объяснить снижением социального напряжения в столице и других крупных городах страны. Так ли это на самом деле и можно ли на основе эмпирических данных зафиксировать прямую зависимость уровня протестной активности и социальной напряженности в российских регионах?

Для ответа на этот вопрос проанализируем некоторые результаты экспертных опросов, проведенных Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН в мае-июне 2012 г. в ряде проблемных регионов страны – Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Республика Татарстан, а также в Московской области.

Таблица 1 Средние оценки актуального (2012 г.) и прогнозируемого (на 2013, 2014 гг.) уровня социальной напряженности в регионах по шкале от +3 (значительный уровень стабильности) до –3 (множественные открытые конфликты), где 0 – фоновый уровень напряженности

Регион	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Башкортостан	+ 1.31	+ 0.88	+ 0.78
Московская область	+ 0.74	+ 0.40	+ 0.07
Республика Татарстан	+ 0.60	+ 0.30	+ 0.26
Республика Дагестан	- 0.05	- 0.16	- 0.07

Как видно из таблицы, на момент проведения опроса ситуация во всех регионах, кроме Дагестана, в целом была спокойной, стабильной: средние оценки располагаются в положительной части шкалы. В Дагестане средняя оценка близка к нулю, что означает фоновую социальную напряженность в республике. Прогнозные оценки во всех регионах выглядят более пессимистично, чем актуальные, однако также располагаются в основном в положительной части шкалы (кроме Дагестана). Таким образом, согласно полученным экспертным оценкам, проблема социальной напряженности и конфликтности относительно актуальна только в Республике Дагестан. В остальных регионах, где проходило исследование, эта проблема носит скорее скрытый, латентный характер.

Для выявления представлений о том, как проявляется напряженность, конфликтность в регионах, экспертам в открытой форме был задан вопрос: *«Как конкретно, в какой форме прежде всего проявляется конфликтность, напряженность в вашем регионе?»*.

В Республике Башкортостан напряженность проявляется в первую очередь в *протестном голосовании на выборах* (имеются в виду прошедшие в 2011 г. выборы на федеральном уровне – в Госдуму и Президента РФ и предстоящие в 2014 г. выборы Президента РБ), в *противостоянии местных элит, идеологических проявлениях религиозного (исламского) экстремизма*.

В Московской области социальная напряженность, конфликтность проявляется прежде всего на почве *межнациональных отношений, точнее отношений между коренным населением и мигрантами из южных республик*. Сказывается также снижение уровня жизни и рост безработицы, невнимание властей к решению экологических проблем. Основные проявления напряженности – *митинги и протестное голосование на выборах*.

В Республике Татарстан, по мнению экспертов, наблюдаются незначительные проявления напряженности, конфликтности в виде *межэтнических конфликтов, идеологических проявлений религиозного экстремизма, а также митингов, протестного голосования на выборах, бытовых конфликтов*.

В Республике Дагестан ситуация иная: относительно высокий уровень напряженности, конфликтности связан в первую очередь с наличием экстремистского, террористического бандподполья. Основные формы проявления напряженности, по мнению экспертов, следующие: *конфликт традиционного и нетрадиционного ислама, противостояние местных элит, конфликты по поводу земельных отношений, проявления идеологии экстремизма и терроризма*.

Таблица 2 Определяющие факторы роста социальной напряженности в регионах (в % от числа экспертов в каждом регионе)

Факторы	Республика Башкортостан	Московская область	Республика Татарстан	Республика Дагестан
Коррупция, преступность	31	21	35	61
Социальное неравенство, расслоение	20	30	26	53
Спад производства, безработица	14	18	22	47
Неэффективное управление регионом	20	12	13	29
Борьба региональных элит за власть	31	15	9	18
Внутриконфессиональные отношения	9	6	9	34
Межнациональные отношения	14	15	26	0
Миграционные процессы	9	39	17	11
Нищета, бедность	9	18	22	8
Алкоголизм, наркомания	17	9	17	0
Межконфессиональные отношения	6	15	4	11
Экологические проблемы	6	3	4	11

Как можно заметить, массовые акции протеста – митинги, демонстрации и т.д. – лишь одна из форм проявления социальной напряженности в регионах, более характерная для Московской области и Татарстана. В сравнительно благополучном Башкортостане напряженность выражается в первую очередь в протестном голосовании на выборах, в

относительно неблагополучном Дагестане — в экстремистских, насильственных действиях (взрывах, убийствах, захвате заложников и т.п.).

Наряду со специфическими факторами социальной напряженности в каждом регионе (обозначены в таблице жирным шрифтом) можно выделить и общие причины ее роста: это прежде всего коррупция, социальное неравенство, спад производства, борьба региональных элит за власть и другие последствия неэффективного управления регионом.

Основные выводы из анализа полученных экспертных оценок:

- 1 В представлениях региональных экспертов социальная напряженность и протестная активность — это связанные, но не тождественные явления. Между ними нет прямой связи: высокая напряженность не обязательно вызывает массовые протестные действия, а массовая протестная активность не всегда предполагает высокую социальную напряженность. Характерным примером в данном случае можно считать массовые митинги и демонстрации в Москве, проходившие на фоне относительно низкой социальной напряженности не только в других городах, но и среди основной массы москвичей.
- 2 В принципе возможны четыре типа сочетания уровня социальной напряженности и протестной активности:
 - а) низкая напряженность и низкая активность (стабильная, спокойная ситуация);
 - б) низкая напряженность и высокая активность (локальные проявления конфликтов);
 - в) высокая напряженность и низкая активность (фрустрация, аномия);
 - г) высокая напряженность и высокая активность (кризисная ситуация).
- 3 Формы проявления (показатели) социальной напряженности во многом зависят от ее уровня: чем выше социальная напряженность, тем жестче, радикальнее формы ее проявления вплоть до массовых акций гражданского неповиновения и вооруженного сопротивления представителям власти.

И.А. Климов
ДВИЖЕНИЕ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ (СЕЗОНА 2011–2012 гг.)
КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

КЛИМОВ Иван Александрович — кандидат социологических наук, доцент факультета социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН. E-mail: klimov_ivan@list.ru

Уличные протесты в связи с выборами в Государственную Думу и выборами Президента РФ стали едва ли не главным политическим и социальным феноменом 2011–2012 гг. Они взбудоражил не только российское общество, но и профессиональных исследователей: на сегодняшний день известно о нескольких десятках исследований, посвященных акциям протеста. Вместе с тем в стороне от внимания исследователей оказалась другая, но сопряженная с протестами практика — участие гражданских наблюдателей сначала в федеральных, а затем и региональных выборах. Масштабное участие гражданских наблюдателей в электоральной кампании 2011/12 года мы условно называем движением наблюдателей (одна из задач проекта — определить, насколько корректна такая классификация данной практики).

Наш интерес к данному феномену связан с ощущением социологической уникальности возникшего сообщества наблюдателей. Во-первых, наблюдатели и их активность стали важным (если не ключевым) фактором протестной мобилизации. Во-вторых, это редкий для нашей страны пример именно политической активности людей и их самоорганизации. В-третьих, особенности развития движения наблюдателей и связанный с ним событийный ряд заставляет сомневаться в осмысленности модного методологического различения онлайн и оффлайн применительно к процессам самоорганизации и рождения низовых инициатив. В конечном итоге мы хотим получить для себя ответ: каким образом движение наблюдателей корреспондировало с движением уличного протеста, какие факторы повлияли на формирование и развитие движения наблюдателей, что оно собой представляло в период федеральных выборов и как, под влиянием каких факторов оно трансформируется сейчас.

Изучение механизмов формирования движения наблюдателей как специфической формы гражданской мобилизации, а также факторов его трансформации в межвыборный, поствыборный периоды и в настоящее время (2011–2012 гг.). Нас интересует, в какой мере две практики — уличный протест и участие в процедурах наблюдения за выборами (гражданский контроль) — влияли друг на друга (или же они относительно независимы).

Мы предлагаем проверить некоторые априорные предположения, в частности:

- 1 Практика гражданского контроля закреплена законодательно, что предоставило возможности для легалистского гражданского движения. Изменения в законодательной и нормативной базе, которые могут затронуть и роль наблюдателей, возможно, станут фактором демобилизации и деинституционализации движения. Одновременно могут появляться иные, менее легалистские формы гражданской активности.
- 2 Массовое вовлечение граждан в практики гражданского контроля на выборах 2011–2012 гг. привело к формированию сообщества наблюдателей. Однако

можно ли говорить о существовании именно социального движения в специфически социологическом значении этого концепта?

- 3 Сообщество наблюдателей и координирующие организации занимались не только организацией и образованием наблюдателей, но и вели идеологическую работу: создавали систему значений, осмыслили политическую ситуацию в специфической перспективе и в специфических терминах, легитимировали практику наблюдения на выборах среди вовлеченных в предвыборные политические процессы россиян. Соответственно, можно ли описывать сообщество наблюдателей как одну из форм саморефлексии протестного движения и оппозиции, т.е. как спонтанный институт идеологической работы в протестном движении.
- 4 События 2011–2012 гг. продемонстрировали феномен политической моды, и появление сообщества наблюдателей тому пример. Между выборами происходила двойная динамика: рост численности наблюдателей и одновременно снижалась уверенность в успешности, результативности работы наблюдателей. Каковы способы разрешения, объяснения этой противоречивой динамики внутри сообщества наблюдателей?
- 5 В период между выборами возникли тематические социальные сети, дружеские сети, были практики поддержки этих сетей. Не очень понятно, сохранились ли эти сети в поствыборный период и преобразовались ли они в иные формы солидарности?
- 6 Сообщество наблюдателей неизбежно трансформируется (а в некоторых случаях и распадется) под действием двух факторов: 1) внутренняя политическая и идеологическая дифференциация, 2) политическая ангажированность и коррумпированность ценностно правильным выбором в ущерб защите и развитию процедуры – голосование, гражданский контроль, судебное разбирательство, контроль исполнения решений. Тем не менее вполне реальна более серьезная угроза: Центризбирком планирует ограничить деятельность наблюдателей на избирательных участках.

В.С. Комаровский
«НОВЫЕ ПРАВЫЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НЫНЕШНЕЙ
РОССИИ

КОМАРОВСКИЙ Владимир Савельевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: poiginalb@yandex.ru

Как отмечают многие исследователи в России, пусть и не в таких масштабах, как в развитых странах, сформировался новый средний класс, который включает не только собственников («малых буржуа»), но и людей, связанных с новыми технологиями информационного общества, – менеджерами не только частных предприятий, но и сферы государственного управления. Их объединяет не столько место в системе общественного разделения труда (чему отдавал предпочтение К. Маркс), сколько **механизм социализации, общения** (Интернет прежде всего), включающих их в глобальные процессы, формирующих определенный стиль и образ жизни, опять-таки во многом наднациональный. С политической точки зрения важно не только наличие объективных предпосылок консолидации определенной группы, но и субъективные (по К. Марксу, уже в позитивном ключе, является ли общность классом в себе или для себя) и, естественно, его численность. Начнем со второго. В публицистике часто даже признавая значительный по масштабам объем распространения в обществе недовольных праволиберального толка, тем не менее, считают, что они концентрируются в основном в Москве и Санкт-Петербурге. Исследования социологов показывают, что хотя молодежь других крупных городов не так активно участвует в протестных акциях, по своим взглядам и настроениям она не намного отличается от московской. В частности исследования ярославских социологов показали, что для городской молодежи высокую значимость имеет базовая либеральная ценность – ценность свободы (отметили 44,3% респондентов), в более старших возрастных категориях молодежи, кроме этого, – такие ценности, как творчество и возможность принимать участие в управлении также резко возрастают в своей значимости¹.

Если вопрос о концентрации среднего класса в России можно считать достаточно проясненным, то нельзя сказать того же о его численности. Нужны новые подходы к анализу исходя из нового понимания как состава этого класса, так и его роли в жизни общества. Критерии отнесения к среднему классу на основе уровня дохода и потребления недостаточны, даже если их дополнить субъективной принадлежностью к этому классу. Важно, чтобы у класса сформировались свои интересы и они были осознаны большинством этого класса. Это центральный момент с политологической точки зрения. Он как раз и является главным показателем превращения класса в политического актора. Что мы видим в этом плане? Пока большей частью требования «несогласных» носят негативный характер («Убрать Чурова», «отменить результаты выборов в Государственную Думу» и т.д. и т.п.). Позитивные требования, касающиеся работы судов, бюрократии формулируются скорее на уровне «сырых заявлений о потребностях» (выражение принадлежит американским политологам), нежели на уровне сформировавшихся интересов, предполагающих

¹ Публичная политика. 2010. – СПб., 2011. С. 96.

конкретные решения в области налогообложения, работы тех же судов, обуздания бюрократии.

Означает ли это, что с таким багажом невозможно всерьез и надолго войти в политику? Отнюдь.

Во-первых, новый средний класс креативен по своей природе и превращение «сырых заявлений о потребностях» в интересы может произойти весьма быстро.

Во-вторых, события в мире показывают, что происходит стремительные изменения самих форм политической жизни, яркий пример чему появление так называемых «партий пиратов» в ФРГ с весьма узким набором политических требований и предпочтений, тем не менее, ставшей частью политического процесса в стране.

И в-третьих, «недовольные горожане» имеют весьма ощутимые средства давления на власть. И дело не только в публичных акциях протеста типа митингов, демонстраций, шествий и т.п. Без сомнений скоро мы увидим и другие формы, от которых власть не сможет отмахнуться. Выборы мэра того же Ярославля тому свидетельство. Но заявляя об этом необходимо иметь в виду как ближнюю, так и далекую перспективу. Оценка ближайшей перспективы исходит из того, что пока «новые правые» не предложили ни своих лидеров, ни конкретных программ общественного переустройства.

Исходя из нынешней незрелости Болотной и среднего класса как политического актора представители правящего класса предлагают ему признать результаты выборов и вернуться к своим повседневным делам, в лучшем случае дожидаясь следующих выборов или иной политической пертурбации (см., например, статью первого заместителя секретаря президиума Генсовета «Единой России» Сергея Железняк «Эмоции или позиция?», опубликованную в «Независимой газете 15 марта с.г. Это как лучший вариант, хотя не исключаются и другие. В.В. Путин в одном из своих телевизионных интервью выразился более определенно и призвал Болотную подчиниться и принять волю большинства).

Но принять волю большинства как согласие с результатами выборов это одно, а отказаться от своих интересов — это другое. Коль эти интересы начали формироваться, равно как и сама социальная общность, если общность дозрела до представления, пусть и в упрощенной форме своих интересов в политической сфере, от второго она не сможет отказаться никогда. Во всяком случае добровольно. Как дальше будут развиваться отношения «новых правых» и власти? Ответ на этот вопрос пока не знает никто. Власть на этот счет посылает самые противоречивые сигналы.

В статье нынешнего Президента России В. Путина, опубликованной накануне выборов «Демократия и качество государства» в газете «Коммерсантъ» от 6 февраля 2012 г., признается факт выхода интересов среднего класса за рамки строительства собственного благополучия, возрастания его требований к власти, необходимости учета интересов различных социальных групп, обсуждаются новые механизмы участия граждан в управлении и политике. В то же время в реальной повседневной жизни пока что в этом плане мало что меняется, а если и меняется, то не в лучшую сторону. Показательны в этом плане упомянутые выше события 6 мая этого года во время разгона демонстрации или кадровые назначения и награждения.

Власть, по-видимому, еще не сделала свой выбор. Выборы прошли, а выбор предстоит, образно говоря.

К сожалению или нет этот выбор больше зависит от власти, чем от самих «новых правых».

С одной стороны, российская власть привыкла к своей абсолютности и бесконтрольности. С другой — решение задач модернизации, а от этого никуда не уйти, требует иных отношений власти с креативным классом, мелким и средним предпринимательством. Сегодня в новых «шарашках», как в сталинские времена, никто ничего изобретать не будет. Вопрос, что называется, повис в воздухе. Во всяком случае если речь вести о краткосрочной и среднесрочной перспективе. Что касается долгосрочной перспективы, то тут тумана еще больше. В США и Европе происходят процессы размывания среднего класса со все большей поляризацией общества на сверхбогатых и бедных. Размывание среднего класса автоматически ведет к снижению его роли как политического актора, что наглядно продемонстрировала история на примере рабочего класса и профсоюзов. Правда, никто еще не доказал, что этот процесс необратим. Остается только ждать и анализировать зарождающиеся тенденции и анализировать текущие действия власти. Новый состав правительства и администрации президента, объявленный 21 и 22 мая сего года, свидетельствует, на наш взгляд, что власть готова меняться скорее в имиджевом плане, чем по существу (обилие новых имен в правительстве не показатель сам по себе). Не зря его сразу назвали техническим, правительством заместителей, тем более что все старые кадры никуда не делись и благополучно перебрались в администрацию Президента). Но как справедливо отмечает, на наш взгляд, профессор Высшей школы экономики Леонид Васильев, ситуация может измениться в любой день, если не будет реальной борьбы с коррупцией, продажной судебной системой, беспределом полиции, безответственной бюрократии, то нынешняя опора власти, особенно если к этому прибавится падение цен на нефть и газ, а следовательно, возможность хотя бы отчасти решить предвыборные обещания, может в одночасье развернуться в обратную сторону и тогда, как принято говорить в России, мало не покажется никому.

Конечно, нелегко предположить, что объединятся «рассерженные горожане», недовольные попиранием их человеческого достоинства и люди, недовольные тем, что их семьям приходится сводить концы с концами на 10–15 тыс. руб. в месяц. Но, как известно, «дружить против» у нас умеют. В такой ситуации вполне уместны выводы экспертов Центра стратегических разработок о том, что в стране развивается политический кризис, имеющий глубокие корни в виде запроса населения на новую политику, новых политиков и новые институты.

По мнению аналитиков центра, нынешний кризис выражается для власти «не только в ослаблении доверия со стороны населения, но и в нарастающей угрозе утраты политического контроля». «Политический кризис может быстро перерасти в острые формы, если на него наложится вторая волна экономического кризиса. В этом случае риски потери политического контроля существенно возрастают, а темп политической трансформации может резко ускориться», — предупреждает глава ЦСР Михаил Дмитриев (см.: Президиум антикризисного оптимизма // Независимая газета. 2012. 25 мая).

Как известно, во время кризисов формирование политических взглядов и предпочтений происходит чрезвычайно быстрыми темпами, поэтому не исключено, что «рассерженные горожане» станут полноценным политическим актором уже в ближайшее время.

О.Ю. Лобанова, А.В. Семенов

РЕПЕРТУАР ПРОТЕСТА: КАК ЛЮДИ И ОРГАНИЗАЦИИ ТРЕБУЮТ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ?

ЛОБАНОВА Олеся Юрьевна — младший научный сотрудник лаборатории антропологии ИППОС СО РАН. E-mail: femeletmn@gmail.com

СЕМЕНОВ Андрей Владимирович — кандидат политических наук, заведующий кафедрой новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета. E-mail: andre.semenoff@gmail.com

Прокатившаяся в конце 2011 — 2012 гг. волна протестных митингов вызвала интерес не только у политиков и органов государственного управления, но и у представителей социальных наук: от социологии и политологии до международных отношений. Масштаб и интенсивность политической мобилизации однозначно оценивались как неожиданные и внезапные. В кратковременной перспективе, в которой существуют политические и гражданские активисты, эксперты и журналисты это удивление вполне понятно: нулевые отличались стабильным экономическим ростом и связанным с ним неравномерным, но неуклонным ростом благосостояния. В то же время в исторической перспективе Россия отличалась разнообразием протестного репертуара и периодами быстрой и широкой политической мобилизации. Действия по оспариванию текущей политики¹ не исчезли в советский период и носили как открытый (движения диссидентов, рабочие восстания), так и скрытый (саботаж на рабочем месте, жалобы и т.д.) характер. Однако после обширной и интенсивной мобилизации в конце 1980-х — начале 1990-х гг. наблюдалось изменение масштаба и репертуара протеста. Проект «Мировое изучение ценностей» (World Values Survey) демонстрирует, что в 1990 г. 29,6% респондентов отвечали, что они подписывали петиции (еще 44,1% отвечали, что хотели бы). В среднем в 1990-е гг. 25,5% опрошенных в ходе WVS отвечало, что они участвовали в демонстрациях, тогда как в 2005 г. только 13,4% ответили, что посещали демонстрации в последние 5 лет. Недавнее исследование Г. Робертсона «Политика протеста в гибридных режимах» показывает, что 1990-е гг. прошли под знаком забастовок и других действий по оспариванию, в первую очередь связанных с социально-экономическими вопросами, при этом ключевую роль в мобилизации играли политические элиты. Интенсивность этой протестной волны пошла на спад только с приходом В. Путина на пост президента. В нулевые, с одной стороны, на фоне экономического роста и политики ограничения гражданских и политических свобод вместе с консолидацией правящей элиты удалось снизить интенсивность проявления протеста. С другой стороны, сам феномен протеста не исчез и время от времени в разных формах проявлял себя: от широкой кампании против монетизации льгот в 2005–2006 гг. до «Маршей несогласных», «Стратегии-31» и онлайн-активизма. Таким образом, если и можно говорить о внезапности проявления протеста в электоральном цикле 2011–2012 гг., то только имея в виду общий фон этих событий и небольшой временной горизонт. Основа широкой мобилизации была заложена ранее в

¹ В политической науке изучение этого феномена связано с направлением contention politics. Это понятие шире, чем, например, термин «протест». Последний скорее указывает на интенсивность проявления действий по оспариванию/предъявлению требований.

диффузной форме складывавшихся микрогрупп и сетей, которые во время событий декабря 2011 г. были объединены общими эмоциями.

Таким образом, на исследовательской повестке дня встает целый ряд вопросов, касающихся причин и факторов политической мобилизации, ее динамики в России и регионах. Так, не вполне ясно, каким образом протест декабря 2011 г. получил такую широту и интенсивность вопреки казавшемуся благополучию и стабильности. Еще важнее понять, имеет ли какое-то воздействие широкая политическая мобилизация декабря 2011 — февраля 2012 гг. на дальнейший репертуар протестных действий? Особенно эти вопросы актуальны для регионов, которые традиционно остаются за пределами внимания наблюдателей и ученых. На региональном уровне география протестов широко представлена, причем преобладающее количество протестных действия происходит в крупных городах, тогда как в аграрных районах они практически незаметны. В силу разницы социально-экономического и политического состояния требования участников и динамика протестных акций разнятся от региона к региону. В фокусе нашего внимания находится репертуар протестных действий в Тюмени за последние 5 лет (2008–2012 гг.). Тюменская область характеризуется высоким уровнем жизни и развитием инфраструктуры, в то же время за пределами Тюмени и второго по величине города области — Тобольска — находится аграрный сектор. Политическая жизнь региона практически полностью сконцентрирована в областном центре, там же происходят основные протестные акции. Для изучения репертуара протестных действий мы использовали несколько видов источников: местные Интернет-источники за 2008–2012 гг., уведомления в администрацию г. Тюмени для согласования публичных мероприятий и собственные листы наблюдения. Эти источники имеют определенные ограничения, которые необходимо учитывать при их анализе. На основе собранной информации была создана база данных, в которую вошли дата акции, название, форма, организаторы, количество участников, требования.

Предварительный анализ данных позволяет говорить о том, что протестное участие преимущественно выражается в символических акциях в форме мирных манифестаций, нежели в акциях прямого действия с возможностью причинения вреда имуществу или личностям. Подавляющее количество протестных действий происходило в виде митингов, пикетов, шествий и одиночных пикетов. Новые формы (перфомансы, уличные вечеринки, оккупай) чаще использовались молодежными организациями, тогда как партии прибегали к ним крайне редко или вообще не диагностировали их как протестные. В событиях декабря 2011 — 2012 гг. применялся традиционный протестный репертуар, знакомый большинству участников, тогда как диффузия новых форм (прогулки, белое кольцо) не получила широкого распространения. Организаторами большинства акций являлись коммунистические партии (КПРФ и РКРП), за ними следуют молодежные идеологические движения (анархисты, националисты) и замыкают частные лица.

Литература:

- 1 Koopmans R. Protest in Time and Space: The Evolution of Waves of Contention [Электронный ресурс]; URL: http://www.vu.nl/nl/images/koopmans-protest-in-time-and-space_tcm9-36216.pdf.

- 2 MacAdam D., Rucht D. The Cross-National Diffusion of Movement Ideas// Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. Vol. 528. P. 56–74.
- 3 Tilly C. Social Movements 1768–2004. Paradigm Publishers, 2004.
- 4 Tilly C. Regimes and Repertoires. The University of Chicago Press, 2006.
- 5 Robertson G. The Politics of Protest in Hybrid Russia. Managing Dissent in Post-Communist Russia, 2011.

А.В. Михайленко, А.С. Желтова, Д.П. Садовая
ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К ОППОЗИЦИИ И ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ

МИХАЙЛЕНКО Анастасия Вячеславовна — студентка Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, филиал РАНХиГС. E-mail: ppu118@yandex.ru

ЖЕЛТОВА Ангелина Сергеевна — студентка Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, филиал РАНХиГС. E-mail: ppu118@yandex.ru

САДОВАЯ Дарья Павловна — студентка Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, филиал РАНХиГС. E-mail: ppu118@yandex.ru

Мы живем в быстроизменяющемся мире. Вчера на гребне волны была оппозиция, сегодня же ее лидеры проходят по делам об отмывании денег, о сокрытии налогов и незаконном бизнесе. Рейтинг доверия представителям оппозиции стремительно падает с каждым днем. Почему так происходит?

Если сравнить численность участников митинга «За честные выборы», посвященного выборам в Государственную Думу, и участников митинга 6 мая, процесс по которому сейчас именуется как «Болотное дело», можно заметить спад интереса к несистемной оппозиции. По данным ВЦИОМ (участникам опроса был задан вопрос: **«Если в Вашем городе/сельском районе состоятся массовые акции протеста, выступления против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет?»**), в 2013 г. 78% респондентов ответили, что скорее всего не пойдут, 17% скорее всего пойдут, 6% затруднились с ответом. В 2012 г. с начала года этот показатель менялся. Если в начале года 69% респондентов сказали, что точно не пойдут на митинг, 23% опрошенных ответили, что пойдут, а 8% не смогли ответить на вопрос, то в конце 2012 г. уже 76% наших сограждан утверждали, что не пойдут на митинг ни при каких обстоятельствах, всего 19% ответили на вопрос утвердительно и уже 5% людей затруднились ответить¹.

2012 г. стал для несистемной оппозиции России весьма значимым: было много весомых событий, представители оппозиции появлялись в прессе и на телевидении либо в негативном свете, либо в позитивном. За февраль-июнь рейтинги лидеров несистемной оппозиции возросли. При этом уровень симпатии остался тем же, что и раньше, зато уровень антипатии значительно возрос. С февраля по июнь рейтинг Навального возрос с 29 до 48%, рейтинг Гудкова — с 21 до 60%, Удальцова — с 13 до 39%.

На графике видно, как менялось отношение наших сограждан к лидерам оппозиции.

¹ Данные представлены на основании всероссийских опросов. В каждом опросе принимали участие 1600 человек из 153 населенных пунктов в 46 областях, краях и республиках России. Подробнее см на: <http://wciom.ru/protest-mood/>.

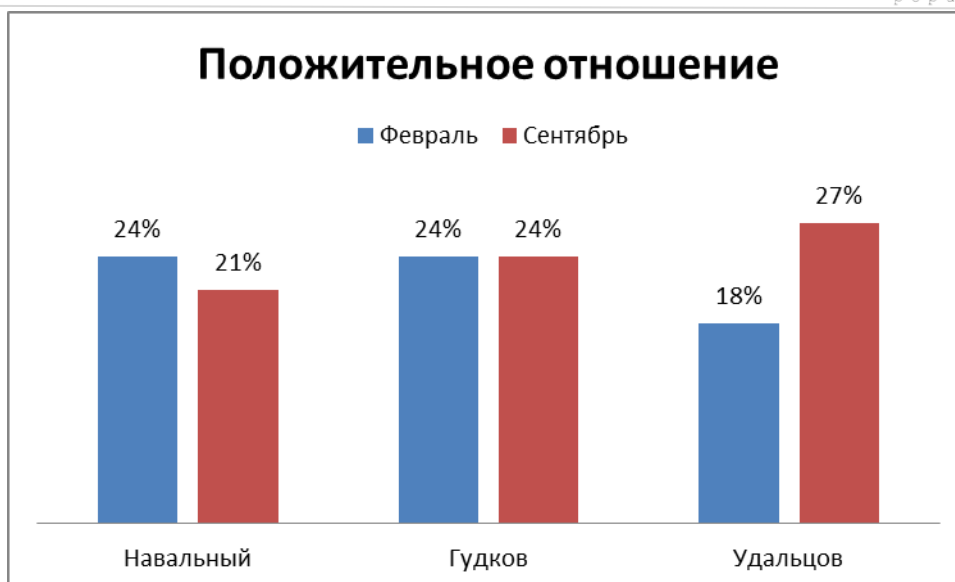

Рисунок 1 — Данные сайта ВЦИОМ (<http://wciom.ru/>). Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 15–16 сентября 2012 г. Опрошено 1600 человек из 138 населенных пунктов в 46 областях, краях и республиках России

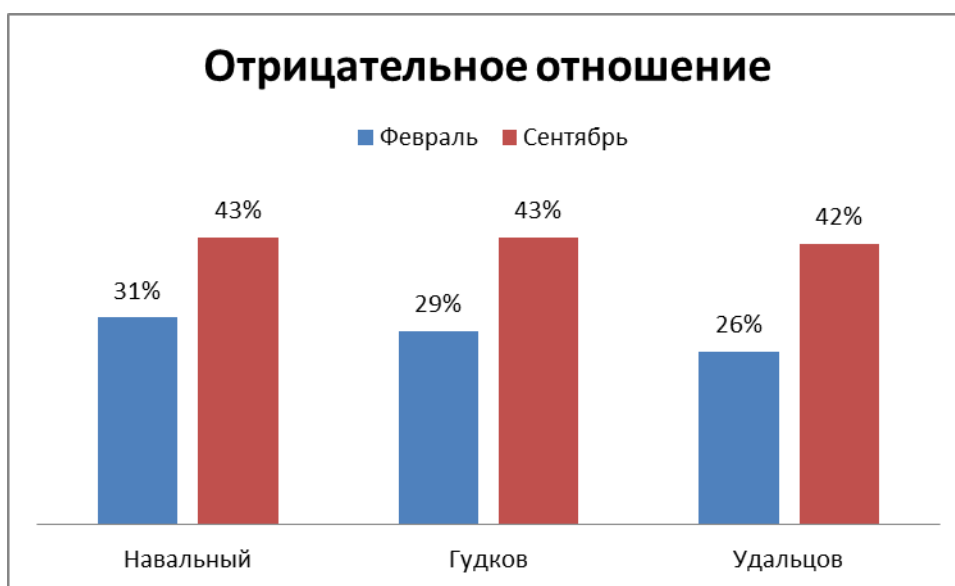

Рисунок 2 — Данные сайта ВЦИОМ (<http://wciom.ru/>). Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 15–16 сентября 2012 г. Опрошено 1600 человек из 138 населенных пунктов в 46 областях, краях и республиках России

Что оппозиция сделала не так? Внезапно вышли в свет, завоевали аудиторию, смогли повести за собой людей. Если просмотреть статистику, мы увидим, что самый пик протестной активности пришелся на декабрь 2011 г. Митинг «За честные выборы» стал бомбой в обществе. Огромное количество людей вышли на улицы, чтобы поддержать лидеров несистемной оппозиции и защитить свои гражданские права на честные и свободные выборы.

Рисунок 3 – Данные сайта ВЦИОМ (<http://wciom.ru/>). Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 25–26 августа 2012 г. Опрошено 1600 человек из 138 населенных пунктов в 46 областях, краях и республиках России.

4 февраля 2012 г. состоялся митинг на Болотной площади. Там собрались люди, уверенные, что действующая власть должна поддерживать диалог с оппозицией. Среди лидеров оппозиции наибольшее уважение митингующих вызывал Г. Явлинский: именно он, по мнению опрошенных, мог бы вести диалог с властью.

Примерно 27% собравшихся на митинге свое предпочтение на президентских выборах отдали Михаилу Прохорову.

Кто же пришел на этот митинг? Прежде всего это были мужчины, примерно 71%, моложе 45 лет. Высокообразованные (56%), со средним или высоким материальным положением (56 и 27% соответственно). Среди пришедших 18% офисных работников, 12% государственных служащих, 11% людей рабочих профессий, 10% рабочих в сфере информационных технологий, 9% пенсионеров и 8% студентов.

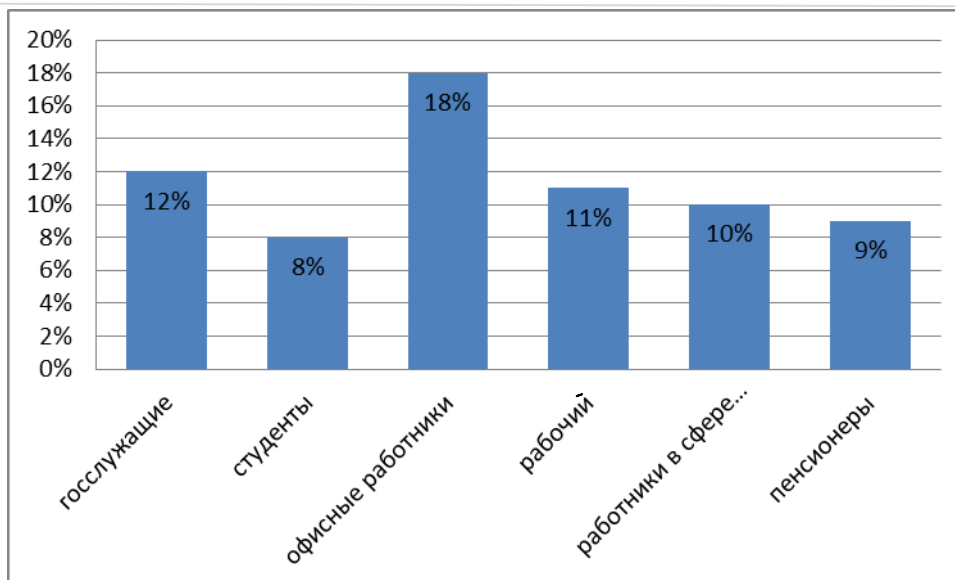

Рисунок 4 — Данные сайта ВЦИОМ (<http://wciom.ru/>). Инициативный опрос ВЦИОМ проведен на выходе с шествия и митинга на Болотной площади 04.02.2012. Опрошены 800 человек

На митинге большинство людей были жителями Москвы — примерно 81%, 19% оказались приезжими. Это в очередной раз показывает, насколько сильная программа была у оппозиции — люди приезжали с других городов, чтобы выступить в защиту своих прав.

Примерно 60% участников оказались активными Интернет-пользователями — о митинге узнали через социальные сети примерно 70% участников, от родственников — 38% и по телевидению — 35%.

Ключевая причина, по которой участники митинга пришли на Болотную площадь — несогласие с итогами парламентских выборов (23%). Меньше тех, кто вышел на акцию, для того чтобы выразить протест против власти (16%), Путина (12%), лжи и беспредела (11%), поддержать оппозицию (11%).

Большинство людей планировали пойти на митинг примерно за неделю, лишь 5% участников пришли на него спонтанно, узнав о мероприятии в день его проведения.

Примерно половина митингующих придерживалось мнения, что большинство жителей нашей страны не поддерживают В.В.Путина, 16% людей считают иначе.

Если В. Путин победит на президентских выборах, 65% участников митинга на Болотной площади собирались принять участие в акциях протеста против результатов выборов. 12% опрошенных сообщили, что в этом случае вступят в организации/партии, выступающие против политики В. Путина, а 5% будут искать возможности эмигрировать².

Митинг прошел, на выборах победил Владимир Владимирович Путин. Он набрал 57,5% голосов, далее идут Зюганов Г.А. — 10,7%, Жириновский В.В. — 7,3%, Прохоров М.Д. — 7,2%, Миронов С.М. — 2,3%. Никто не удивился что победил В.В. Путин, большее удивление вызвали набранные голоса у Михаила Прохорова. Известные политологи всей

² <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112492>.

страны недоумевали: кандидат Прохоров практически обогнал В.В. Жириновского, — как такое возможно?

Митинги оппозиции после президентских выборов не вызвали такого общественного резонанса как до них. О них знали лишь 30% граждан нашей страны, что не скажешь об информированности населения о митингах в поддержку президента Владимира Владимировича Путина — таких людей оказалось 60%. О митингах сторонников Путина лучше всего известно в Москве и Санкт-Петербурге (91%), об акциях «За честные выборы» — в других крупных городах (40%).³

После выборов доверие к оппозиции значительно уменьшилось. Все больше людей было разочаровано действиями оппозиции, у 18% людей митинги оппозиции вызывают тревогу, у 10% вселяют надежду и ровно столько же разочарованных. Все больше людей считает, что эти протесты ни к чему не приведут и что скоро вся протестная деятельность сойдет на нет, и лишь 5% опрошенных считают, что начнется новый вал митингов.

Пытаясь вернуть интерес к себе, представители оппозиции заявляли нам с экранов страны о том, что выборы не легитимные и требовали пересчитать голоса. Но 49% опрошенных считают такое требование беспочвенным, что интересно, после выборов в Государственную Думу таких было всего 23%.

Всероссийский центр исследования общественного мнения проводил опрос на тему «Оппозиция провела ряд митингов «За честные выборы», против результатов выборов президента. Какие чувства, эмоции вызывают у вас эти митинги?».

Анализируя его, мы можем сказать, что:

- 1 Вызывают возмущение у 19%, из них среди сторонников Путина 28%, сторонников Прохорова 9% (в сравнении взяты именно эти кандидаты как представитель от действующей власти и как представитель оппозиции).
- 2 Тревогу вызывает у 18% респондентов, сторонников Путина — 19%, Прохорова — 18%.
- 3 Разочарование у 10%, сторонников Путина — 10%, Прохорова — 9%.
- 4 Безразличие — 32%, сторонников Путина — 32%, сторонников Прохорова — 22%.

Протесты пошли не на пользу оппозиции. По данным сайта ВЦИОМ, самый низкий рейтинг Владимира Владимировича Путина был отмечен в декабре 2011 г. — 52%. Во время митингов россияне испугались напора оппозиции, поняли, что ничего хорошего из этого не выйдет, и решили вернуться к проверенному человеку, к человеку, которому они хоть немного, но доверяют, потому что остальные только обещают, а результаты его работы видны. Протесты, конечно, прибавили Путину врагов в узкой аудитории, а в широкой аудитории, наоборот, лояльность к нему существенно выросла.

На вопрос: «За кого вы голосовали на президентских выборах?» мы получили совершенно разные ответы:

- 1 За Путина, потому что голосовать больше не за кого.
- 2 За Путина, потому что он сильный лидер, я ему доверяю.

³ <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112619>.

- 3 За Путина — мне так сказали проголосовать.
- 4 За Прохорова — он сможет поднять нашу страну.
- 5 За Зюганова — мне все равно, а им приятно.
- 6 За Миронова, потому что у него хорошая предвыборная программа.
- 7 За Жириновского, потому что он точно сможет навести порядок в стране. Он реально будет что-то делать.
- 8 За Прохорова — просто так.
- 9 Испортил бланк.

Среди опрошенных было 100 человек. 60% свой голос отдали В.В. Путину, 15% — Прохорову, 15% — Жириновскому, по 5% — Зюганову и Миронову⁴.

Где же те люди с Болотной площади? Почему при таком количестве протестующих мы имеем такой маленький процент голосов за лидера оппозиционной мысли? Почему люди так резко отвернулись от тех, кому верили так искренне и яро поддерживали их призывы? Ответы на эти вопросы будут искать еще долго.

Возможно, на людей повлияли множественные скандалы, связанные с Алексеем Навальным, Ксенией Собчак, Сергеем Удальцовым и многими другими.

Сразу же после выборов, 15 марта 2012 г., вышел фильм «Анатомия протеста» на канале НТВ. По утверждениям авторов, фильм исследовал вопрос о возможности целенаправленного влияния на общественное мнение на примере действий организаторов оппозиционных митингов. Авторы задаются вопросом, как можно купить общественное мнение, большей частью рассказывая о подкупе участников оппозиционных митингов⁵. Аналитики фильма сделали вывод о провокациях, призванных дискредитировать митинги в поддержку Путина, и о сфабрикованности роликов, фиксирующих нарушения на выборах. Множество приглашенных экспертов в данном вопросе высказали свое мнение в данном фильме, такие как депутат от «Единой России» Владимир Бурматов, главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев, политологи Павел Данилин и Леонид Поляков и многие другие достаточно известные люди. В октябре 2012 г. вышел фильм «Анатомия протеста-2». Главный герой фильма — лидер оппозиции Сергей Удальцов. Телеканал НТВ постарался, чтобы каждый житель нашей страны увидел этот фильм, а если не увидел, то хотя бы знал о нем. В фильмах нет ничего, кроме фактов, порочащих репутацию оппозиции. И большинство фактов явно сфабрикованы. вспомнить хотя бы случай про оплачиваемые митинги. В верхах заигрались настолько, что простым гражданам уже не понятно, кто кому давал деньги и за что? Оппозиция проплачивала или представители партии власти. Либо те или другие давали людям деньги и снимали этот процесс на видео, чтобы опорочить противников.

В 2012 г. цикл фильмов «Анатомия протеста» по версии «Клуба телепрессы» стал антисобытием года с формулировкой «За пропагандистское рвение с использованием дезинформации, подтасовки фактов и разжигание нетерпимости к инакомыслию».

Реакция на фильм была весьма неоднозначна. Кто-то принял их за чистую монету, кто-то не обратил внимания, некоторые же стали яро протестовать против настолько лживой подачи материала.

⁴ Данные авторского исследования.

⁵ ЧП. Расследование. Анатомия протеста 2012 rus. dokumentika.org (18 марта 2012).

В целом же телеканал НТВ зарекомендовал себя как телеканал, специализирующийся на всякого рода скандалах, провоцирующих видео и ужасающих новостях. Основная тематика — полиция, полицейский произвол, партия власти, оппозиция, коррупционные скандалы и личная жизнь звезд. Никого не удивляют высосанные из пальца подробности. Показ первого фильма вызвал широкую дискуссию в обществе и атаки на телекомпанию. Оппозиция бойкотировала журналистов НТВ, сайт телекомпании подвергся хакерской атаке. Председатель общественной организации «Демократический выбор» Игорь Драндин подал иск к НТВ о защите чести и достоинства. Пресненский суд Москвы отклонил этот иск. Медиахолдинг «Эксперт» 16 марта назвал фильм «грубой пропагандистской поделкой» и заявил о прекращении сотрудничества с телеканалом НТВ, так как «поведение сотрудников НТВ вышло за рамки „любых, даже самых неприятных представлений о профессиональной этике“». Особое возмущение вызвало, что в фильме появился комментарий главного редактора журнала «Эксперт» Валерия Фадеева: «Эти комментарии получены путем прямого обмана: сотрудники НТВ утверждали, что они будут использованы в итоговом выпуске новостей. К тому же комментарии не имели никакого отношения к содержанию фильма».

18 марта состоялась акция протеста возле Останкинской телебашни. На ней собралось около 1000 человек. Протестующие были возмущены тем, что в фильме показали их, будто люди шли на митинги за деньги и печенье.

6 мая на «Марше миллионов» митингующие избили журналистов канала НТВ, а микроавтобус телеканала пытались перевернуть и закидали помоями.

Показ второго фильма вызвал более бурную реакцию у общественности. Стоит повториться, что доверие каналу НТВ не совсем высокое. Да, у них высокие рейтинги. Да, они делают рейтинги на скандалах. Да, большинство людей им не верит. Но... Они попали «в яблочко», выпустив фильм про оппозицию. Например, Владимир Вольфович Жириновский после просмотра данного фильма заявил, что он уверен в подлинности фактов, приведенных в фильме. Член «Единой России», первый вице-спикер Совета Федерации Александр Торшин выразил обеспокоенность о связи представителей оппозиции с криминалитетом и организованными преступными группами, о чем, по его мнению, свидетельствует фильм.

Согласно опросу Левада-центра, допускают факт переговоров 42% опрошенных, 8% не поверили в то, что они имели место. Только 6% поверили, что эти средства пойдут на организацию массовых беспорядков, 10% считают, что Удальцов не планировал использовать деньги зарубежных спонсоров. Больше всего не поверивших в официальную версию событий среди тех, кто смотрел фильм, — 42%, но и те, кто его не видел, чаще прочих вариантов ответа выбирали именно этот. Фильм посмотрели 3% опрошенных, а еще 11% знают его содержание.

В ответ телеканал РБК выпустил свой фильм под названием «Анатомия протеста. Рентген», в котором заявил, что фильм «Анатомия протеста» не имеет ничего общего с документалистикой и журналистикой, и что фильм является пропагандистской продукцией. Также было отмечено, что пленка не может быть использована в качестве доказательства в судебных прениях, так как неизвестно ее происхождение⁶.

⁶ Фильм «Анатомия протеста. Рентген». РБК-ТВ (19 октября 2012).

Второй фильм вызвал не только бурные обсуждения, но и повлек за собой действия прокуратуры. 6 октября 2012 г. Генеральной прокуратурой РФ была начата доследственная проверка по фактам, изложенным в документальном фильме «Анатомия протеста-2». По результатам проверки, 17 октября 2012 г. было возбуждено уголовное дело по статьям 30 и 212 УК РФ (приготовление к организации массовых беспорядков). Дело по этому фильму прогремело на всю страну и за рубежом, что весьма негативно сказалось на рейтинге оппозиции. Этот фильм пошатнул отношения внутри оппозиционной группы.

14 января 2013 г. общественный деятель Алексей Навальный опубликовал в своем блоге постановление следственного управления ФСБ об отказе в возбуждении уголовного дела, автором запроса которого был он сам. В фильме «Анатомия протеста» его авторы пытались доказать, что акции оппозиции оплачиваются из-за рубежа с целью насильственного изменения конституционного строя при помощи лидеров оппозиции. В видеофрагментах выступлений участников протестных акций не было обнаружено экстремистских высказываний, а «сведений о фактах и объемах финансирования иностранными источниками, в том числе иностранными спецслужбами, конкретных мероприятий по организации вышеуказанных антиправительственных акций протеста» в ФСБ не обнаружили. Но тем не менее фильм привлек внимание людей, и многие, как и было сказано выше, приняли его за чистую монету.

Как показывает опрос, фильм «Анатомия протеста-2», в котором рассказывается о планах оппозиции силой захватить власть в стране, в той или иной степени знаком 17% опрошенных. Из них 5% видели его лично, 9% узнали сюжет из выпусков новостей, 3% — из рассказов знакомых. Среди осведомленных — прежде всего сторонники КПРФ (23%) и непарламентских партий (26%), респонденты 45 лет и старше (19–20%), с высшим образованием (22%), активные интернетчики (20%), жители двух столиц (33%). Не знакомы с фильмом 80% респондентов, как правило, абсентеисты (85%), молодежь (87%), респонденты, не пользующиеся Интернетом (83%), жители малых и средних городов (84–85%).

Те, кто знаком с фильмом «Анатомия протеста-2», чаще оценивают его позитивно (59%), хотя две трети из них (63%) не могут объяснить, чем именно им понравился фильм. Остальные в первую очередь апеллируют к содержанию, считая, что фильм вскрывает правду об оппозиции (33%). Меньше тех, кому понравилась работа режиссера и сценариста (4%). Негативно отреагировали на фильм 41% тех, кто с ним ознакомился. Они сетуют на использование непроверенных, недоказанных фактов (46%, еще 20% не согласны с мнением авторов фильма, 9% в целом не нравится, что по ТВ показывают «взятки, коррупцию, грязь в политике». Те, кто фильм видел, в 2 раза чаще воспринимают его как журналистское расследование, раскрывшее правду о деятельности оппозиции (60 против 32%). Те, кто узнал о фильме из СМИ, несколько чаще остальных видят в нем политический ход власти, направленный против оппозиции (34 против 32%)⁷.

На 13 декабря 2012 г. митинги оппозиции поддерживают всего 27% россиян. 10% из них допускают возможность своего участия в них. В декабре прошлого года, т.е. ровно год назад, поддерживающих идею выйти на митинг было 40%, негативно относящихся к митингам — 32%, через год цифра увеличилась, и теперь негативно относящихся к митингам 35%.

⁷ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 10–11 ноября 2012 г. Опрошены 1600 человек из 138 населенных пунктов в 46 областях, краях и республиках России.

Число безразлично относящихся к митингам тоже возросло. Если на декабрь 2011 г. таких было примерно 30%, то на декабрь 2012 г. их стало 34%. Количество не поддерживающих митинги, но не протестующих против их проведения так же увеличилось: в декабре 2011 г. их было 20%, через год стало 27%. Отрицающих митинги вообще как явление было 4%, стало 8%. Стоит заметить, что количество людей, придерживающихся того или иного мнения, в течение года постоянно менялось, то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения⁸.

Тенденция такова, что все больше людей не хочет ничего менять. Их устраивает то, что происходит в стране. Их устраивает политика властей. Они решили, что нужно доверять надежному, проверенному человеку. Полное разочарование в действиях оппозиции привело к падению ее рейтинга. Вряд ли она вернет себе ту власть и ту популярность, что была в начале 2012 г.

⁸ <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113467>

Б.А. Никитина
ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И АДМИНИСТРАТИВНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ СФЕРЫ ОБРАЩЕНИЯ
С ОТХОДАМИ

НИКИТИНА Бэла Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной сферы и демографии Самарского госуниверситета. E-mail: belanik@yandex.ru

Система обращения с отходами очень сложна и многогранна, поскольку является изнанкой сферы производства и потребления. Сам термин «система обращения с отходами» используется исключительно профессионалами. В массовом сознании ярче всего выражена «проблема мусора», загрязняющего городское и природное пространство. Причина загрязнения среды бытовым мусором обсуждается прежде всего в контексте негативной оценки поведения населения. Перенос ответственности за экологически дружественное обращение с отходами на население является одной из форм манипулирования гражданским активизмом. Так, в частности, международная акция «Сделаем!», которую в России проводило общероссийское движение «Мусора больше нет» была перехвачена/подхвачена активистами из «Единой России», объявившими себя инициаторами акции «Сделаем вместе!».

Эти и другие акции по сбору мусора основаны на стремлении активных граждан улучшить ситуацию «здесь и сейчас», однако они не решают проблему системно, отвлекая гражданский ресурс на «борьбу с мельницами». Активизация волонтерского движения, которую сегодня так поддерживает государство, ориентирует население именно на то, чтобы устранять симптомы неблагополучия, не углубляясь в вопросы причин, вызывающих негативное явление. Население призывают делать, а не думать. Точнее, думать на более поздней стадии, до которой доходят далеко не все граждане.

Более глубокое изучение причин проблемы могло бы выявить ее системные причины, но в силу сложности самой системы обращения с отходами ее анализ требует специального устойчивого и долговременного внимания со стороны реципиентов информации, что затруднено непрестижностью объекта обсуждения, его псевдоочевидностью.

Между тем экономические стимулы для экологически дружественного поведения населения в сфере обращения с отходами сегодня государством фактически полностью исключены. Населению не предоставляется возможностей получения экономических бонусов ни от уменьшения объема образования отходов, ни от сдачи отдельных фракций бытовых отходов как вторсырья. Последнее тесно связано с отсутствием залоговой стоимости упаковки. В отличие от европейских стран, где бизнес несет последствия за весь экологический ущерб, связанный с его деятельностью, в РФ создание гигантских предприятий, выпускающих миллионы единиц продукции в пластиковых упаковках, фактически не предполагает никакой ответственности за то, чтобы упаковка собиралась и могла быть переработана. Именно поэтому у населения нет экономических мотивов, чтобы уделять больше внимания на то, что происходит с бытовыми отходами. В большинстве населенных пунктов у населения сегодня нет возможности сдать вторсырье, даже если кто-

то захочет это сделать в силу отсутствия инфраструктуры и репрессивного законодательства в указанной сфере.

Несмотря на то что в статье 3 ФЗ «Об отходах производства и потребления» заявлено, что государство заинтересовано в уменьшении количества отходов и вовлечении их в хозяйственный оборот, переработка вторичных ресурсов как процесс не имеет автономной регламентации. Полномочия по организации функционирования сферы обращения с отходами и вовлечению вторичных ресурсов в хозяйственный оборот переданы местным органам самоуправления без обеспечения данного процесса соответствующими ресурсными возможностями, что фактически равносильно негласному отказу от решения проблемы.

Рассогласование в функционировании системы обращения с отходами связано также с разветвленностью системы государственной и муниципальной власти, ответственной за урегулирование обращения с отходами в различных ее секторах (Министерство природных ресурсов, Минздрав, МЧС и Госстрой, а также на Госкомстат, Госгортехнадзор и Госстандарт России, ОМСУ). При этом функции по управлению отходами разнообразны и избыточны, претендуют на тотальный контроль над всеми процедурами образования отходов при минимальных возможностях воздействия на субъекты, образующих отходы.

В связи с тем, что природные ресурсы страны достаточно велики, а труд достаточно дешев, экономика России приобрела раздаточный характер, что предопределяет не только затруднения при реализации инновационных проектов, но и ситуацию в сфере обращения с отходами. Ни государство, ни бизнес не ориентированы на кропотливую продуманную эффективную работу с клиентами, соответственно вторичные ресурсы как источник вторсырья при необходимости их сбора из рассеянных источников этих акторов принципиально не интересуют, поскольку это потребует уделить серьезное внимание работе с населением.

В то же время причины захламления огромных территорий нашей страны бытовым мусором до сих пор не являются объектом для широкой публичной дискуссии, а оптимизация государственного регулирования сферы обращения с бытовыми отходами очень слабо обсуждается даже в Интернете, в отличие от вопросов промышленной экологии.

Так, при формировании поручения В.В. Путина премьер-министру России Д.А. Медведеву от 10.08.2012, последовавшего после рассмотрения материалов результатов проверки исполнения федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ поручений Президента РФ, направленных на возмещение ущерба окружающей среде, нанесенного в результате обращения с ТБО, делаются далеко не самые прогрессивные выводы. Но сам этот документ фактически остался незамеченным для пользователей Интернет и фактически не вызвал никакой общественной реакции.

В данном документе обращение к практикам европейских стран используется для приведения итоговых цифр полученного из ТБО вторсырья, что сокращает объемы захораниваемых ТБО. Однако в качестве резюме в документе указывается на отсутствие мусоросортировочных заводов и станций, но не на отсутствие системы отдельного сбора ТБО у населения. Также критикуется отсутствие в существующем законодательстве прямых указаний на приоритет утилизации отходов над их захоронением, неразработанность понятия «сортировка отходов», при этом совершенно не упоминается о том, что не

разработано понятие «раздельного сбора ТБО». Документ сетует на то, что неразлагающаяся упаковка, составляющая до половины ТБО, затрудняет рекультивацию полигонов. Однако в условиях, когда более 50% отходов является самой продукцией, вышедшей из употребления, акцент исключительно на упаковке уже не актуален, необходимо учитывать весь цикл потребления, включая в него как конструкцию полигонов, так и политику стимулирования экологически дружественных практик и потребителей, и производителей.

Данный документ указывает на недостаток полигонов для размещения ТБО, особенно соответствующих необходимым нормативам. Но виновников ситуации авторы оправдывают, указывая на нехватку средств у местных бюджетов. В результате конкретизируется проблема неадекватности скорости формирования мощностей по размещению ТБО скорости и объемам их образования, что влечет за собой размещение отходов на необустроенных площадях. Инструментом же решения проблемы снова называется централизация: только следование шаблону, спускаемому сверху, при создании программ может, по мнению аналитиков Президента, помочь привлечению частных инвестиций в указанную сферу. Также феномен тотального недоверия всех и всем выводит в данном документе надзор и учет на первое место по объему поручений.

Итак, власти ориентированы на формирование крупных объектов по обращению с ТБО, стоимость строительства и функционирования которых неизбежно ляжет на население, учитывая дополнительные коррупционные издержки.

Очевидно, что создание инфраструктуры и проведение социальной работы с населением фактически игнорируются, как и экономические интересы населения, связанные со стоимостью тарифов.

Понимание описанных обстоятельств очень важно при определении зон ответственности в рамках процесса оптимизации сферы обращения с отходами, выхода из экологического кризиса в сфере обращения с бытовыми отходами.

Ю.А. Нисневич

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры политического поведения факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: julius@comtv.ru

Движущими силами ненасильственной революции 1990-х гг. выступили две разные социальные группы.

С одной стороны, это была часть советской партийно-хозяйственной номенклатуры, более молодые партийные и комсомольские кадры, которые в условиях «старения» советского режима не видели для себя перспектив быстрого карьерного роста, продвижения в высшие эшелоны власти, но обладали конкретными организационными и информационными ресурсами.

С другой стороны – сравнительно небольшая по отношению ко всем гражданам страны, в основном проживающая в двух столицах и крупных научно-промышленных центрах, но активно настроенная на перемены часть советской интеллигенции. Ключевой особенностью этой социальной группы, обладавшей всеми достоинствами и недостатками советской интеллигенции, была жажда перемен, пассионарность как непреодолимое внутреннее стремление к изменению к лучшему окружающей жизни. Свою главную задачу они видели в отмене шестой статьи Конституции СССР о ведущей и направляющей роли КПСС и устранение монополии этой партии на власть. О демократических политических и государственных порядках и рыночной экономике, о необходимости коренных политических и социально-экономических преобразований и сопряженных с ними трудностях и проблемах подавляющего большинства не только рядовых участников, но и лидеров протестного движения 1990-х гг. имело очень смутное представление.

Основу протестного движения 1990-х гг. составляли люди среднего возраста от 30–35 до 50–55 лет, небольшую – люди пенсионного возраста, а вот студенческая молодежь и, по советской терминологии, молодые специалисты в событиях тех лет значительного участия не принимали. Главными действующими лицами стали люди, находившиеся уже на подъеме или даже на вершине доступной им при советской системе профессиональной карьеры, но они были советскими романтиками и готовы были ради «всеобщего светлого будущего» неограниченно тратить свои силы и время на митинговую стихию даже в ущерб карьерному росту. Именно они составили костяк самого массового в то время общественно-политического движения «Демократическая Россия», которое служило организационной основой протеста. При этом от произошедших перемен фактически больше всех пострадали именно люди среднего возраста, так как значительная их часть, так и не осуществив до конца свою вполне успешную советскую карьеру, не смогла найти для себя профессионально комфортное место и благополучно встроиться в новую постсоветскую жизнь, поэтому многие из них сегодня озлобились, проклинают «лихие девяностые» и ностальгируют по советским временам.

Но тогда они были едины в своем революционном порыве и сплочены в общем стремлении разрушить советский забор, за которым должна была находиться, правда, не очень понятно какая, но непременно лучшая жизнь.

Главным источником заряжающей протестное движение энергии было вовремя и точно сказанное слово. Тот, кто вчера ярко публично выступил или написал, обнажая пороки советской системы, завтра становился кумиром и лидером протестного движения. Именно слово поднимало и сплачивало людей, выводило их на митинги и демонстрации. Символический образ пассионария 1990-х — человек, идущий в колонне демонстрантов с работающим транзисторным приемником на груди, с упоением слушающий выступление очередного оппозиционного депутата, публициста, известного ученого или деятеля культуры.

Но когда советский режим рухнул и от слов и уличных протестов необходимо было перейти к конкретным, каждодневным делам по строительству нового государства, у протестного движения, с одной стороны, не оказалось должного для этого потенциала, а с другой — даже тот небольшой и в основном пассионарный потенциал, который все же имел место, не был никак задействован.

Новое протестное движение, которое только начало зарождаться в конце 2011 г., имеет иную природу, иные побудительные мотивы и зарождается в качественно ином историко-политическом времени и условиях.

Те, кто вышли на Болотную площадь и проспект Сахарова протестовать против ныне правящего режима, помолодели по сравнению с теми, кто выходил на протестные митинги и демонстрации в начале 1990-х гг., лет на 10–15. Их основу составили люди в возрасте от 20–25 до 40–45 лет и, преимущественно, молодые, но уже не совсем «зеленые» специалисты в самых разных областях, управленцы начального и среднего звена частного сектора, часть студенческой молодежи. Вывело этих людей на улицы оскорбленное чувство собственного достоинства, унижение, которое они испытали, столкнувшись с обманом и фальсификациями на выборах депутатов Государственной Думы. Большинство из них вполне успешны в социальном и профессиональном плане. Профессиональная карьера, личное благополучие и благополучие семьи представляют для них основные ценности и цели в жизни. И в достижении этой цели они — прагматичные трудоголики и индивидуалисты. У них нет романтических иллюзий, что кто-то, кроме них самих, обеспечит им и их будущим и настоящим семьям «светлую жизнь».

Большинство вышедших на улицы в знак протеста еще только начинает осознавать, насколько серьезным препятствием для достижения их жизненных целей является правящий режим. У них еще не сформировалась какая-либо определенная политическая позиция, и они пока готовы тратить свое время и энергию на протест только по «остаточному принципу», в той мере, в которой это не мешает их профессиональной работе и выстраиванию карьеры. Тем более что они рассматривают для себя и такой возможный выход, как покинуть страну и пережить смутные времена за ее пределами.

Слово не является для них организующим и сплачивающим началом. Они выходили на демонстрации и митинги не для того, чтобы слушать тех, кто что-то вещал с трибун. Им важно было выразить себя, собственную позицию, увидеть и вживую пообщаться с теми, кто также не хочет мириться с унижением и ложью. Главным организующим механизмом для них, естественно, послужил их профессиональный инструмент — Интернет, который не требует для быстрой и действенной самоорганизации создания централизованных и иерархических структур, не требует вожаков и вождей. Они в принципе не готовы «ходить строем», даже самым демократическим. Они чувствуют себя самодостаточными в оценках и принятии решений. Для них важны не только публичные дискуссии и обсуждения, но, в первую очередь, конкретные действия и результаты, даже если пока они сами и не знают какие. Они — люди постиндустриальных реалий жизни и инфокоммуникационной среды,

благодаря которой каждый может стать «нейроном» нарождающейся сетевой организации общества.

Некоторая часть сегодняшнего протестного движения политизирована и экзальтирована даже в большей степени, чем в начале 1990-х гг., когда общество достаточно жестко раскололось на коммунистов и демократов, между которыми до победы Ельцина во втором туре президентских выборах 1996 г. шла непримиримая борьба. Эта часть осталась в парадигме протеста 1990-х гг., она требует слова вождей и готова строем идти даже не за сильными лидерами, которых нет, а за хоть какими-нибудь вожаками, готова, как писал поэт, «задрать штаны, бежать за комсомолом». В этой части преобладают левые вожаки и взгляды, так как более молодым свойственно стремление к активным демаршам в борьбе за социальную справедливость в ее социалистическом понимании как равенства в нищете. Более ярко выраженной, чем в 1990-е гг., и проблемной частью протеста стали русские националисты, но их участие долгим не будет. К сожалению, политизированная часть сегодняшнего протеста серьезных перспектив оказать какое-либо значимое влияние на политический процесс не имеет, прежде всего в силу своей идейной и «технологической» отсталости.

О.А. Оберемко

ВОЛОНТЕР ИЛИ ДОБРОВОЛЕЦ: ПОТЕНЦИАЛ ИДЕЙНЫХ РАЗЛОМОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич – кандидат социологических наук, доцент, НИУ ВШЭ, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации. E-mail: ooberemko@hse.ru

В докладе приведены результаты анализа сходств и различий в понимании близких по словарному значению слов «доброволец» и «волонтер». Представляется, что некоторые обнаруженные смысловые различия отражают социокультурные разломы, имеющие потенциал дифференциации общественно активных россиян.

Базой для анализа послужили фрагменты собранных по теоретической выборке в 2012 г. 160 интервью с добровольцами-волонтерами трех регионов РФ¹; эти фрагменты содержат реакции на один из первых вопросов интервью: «Какое из слов Вы предпочитаете: «волонтер» или «доброволец»? В каких ситуациях, почему? В чем разница между этими двумя словами?».

В наиболее ожидаемых ответах «доброволец» и «волонтер» относились к синонимичным понятиям: в них не находили сколько-нибудь значимых содержательных различий и видят три элементарных смысла (семы): «добрая» «воля» и «помощь».

В то же время различия между понятиями «волонтер» и «доброволец» осмысливаются по следующим линиям:

- 1 оппозиция укорененности в отечественной истории и современный общественный и языковой контекст;
- 2 оппозиция родного, понятного слова из русского языка и иностранного слова, чей смысл интуитивно не угадывается. Первое, временное противопоставление может иметь и негативную коннотацию, например, когда современное волонтерство ассоциируется с **проведением акций**, а «старомодное» добровольчество — с настоящими делами, **конкретной помощью**. Второе противопоставление также редко возводится в ранг непримиримого, и в картине мира некоторых экспертов «свое» и «чужое» меняются местами; тем, кто включен в международный дискурс, ближе слово «волонтер». Чуждость слова «волонтер» не всегда воспринимается негативно. Например, знакомость и «мягкость» слова «доброволец» может компенсироваться «жесткостью» слова «волонтер» при подчеркивании большей **деловитости** и **широты сферы деятельности** волонтеров (по сравнению с добровольцами);
- 3 волонтеры в отличие от добровольцев устойчиво ассоциируются с олимпийской тематикой;

¹ Интервью собраны в рамках проекта «Формальное и неформальное молодежное добровольчество», при реализации которого использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 127-рп от 02.03.2011.

4 настоящее — самоорганизующееся и ненастоящее — организованное сверху волонтерство. Для отнесения к настоящим добровольцам первично действие, участие индивида, а ролевое определение, членство в определенной организации, наличие книжки волонтера и т.п. вторично. В развитии добровольчества сверху сначала создается символическое пространство (пропаганда), затем — институциональная статусно-ролевая структура с запроектированным ценностно-нормативным комплексом, которая (в последнюю очередь) массово наполняется людьми. Одна из причин неприятия институционального, или ролевого конструирования добровольчества — возможность использовать «самозванных добровольцев» для обслуживания коммерческих и/или административных (которые имеют свое коммерческое измерение и рыночную стоимость) интересов третьих лиц; такая деятельность остается некоммерческой только для «добровольцев». Государством добровольчество развивается как современное «индустриальное» предприятие, как специальная площадка, организованная под достижение ограниченного круга спроектированных целей. Финансовая политика обеспечивает контроль над параметрами деятельности «индустриального предприятия» (номенклатура, объем и качество продукции, типы мотивации, характер координации взаимодействия и т.п.). Управляемость предприятию обеспечивают **менеджеры** волонтерского сектора. В наиболее радикальной трактовке противопоставления «доброволец–волонтер» доброволец действует исходя из собственных побуждений и в интересах других, тогда как волонтер жестко привязан к официальному контексту, для которого характерны:

- при мобилизации опора на принуждение (административный ресурс), а не на добрую волю,
- проведение только массовых мероприятий, которые реально никому не помогают и никого не поддерживают.

Принуждение может заменяться и сопровождаться денежным вознаграждением, а также предоставлением символических ресурсов (благодарственные письма, волонтерские книжки и т.п.);

5 искренний порыв души добровольца противопоставляется более четко осмысленной кем-то — самим волонтером или организаторами волонтерской акции — деятельности.

Э.А. Огай

МОДЕЛЬ ДИНАМИКИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ХОДЕ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2011 г., ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА ВЦИОМ «ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПАНЕЛЬ»

ОГАЙ Эвелина Александровна — студентка ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина. E-mail: ewe.ogaj@yandex.ru

На заседании Научного совета ВЦИОМ по итогам парламентских выборов 2011 г. в России отмечена важность учета изменения позиции избирателей, не уверенных в своем выборе, для точного прогноза результатов выборов. В этой связи особую актуальность приобретает задача изучения группы неуверенных, процессов изменения электоральных предпочтений для построения модели динамики электоральных предпочтений. Решение этой задачи станет основой повышения эффективности инструментов измерения в будущих исследованиях, а также повышения точности прогноза электоральной активности и результатов выборов.

Помимо решения прикладных задач, тема проведенного нами исследования важна для понимания социально-политических изменений в обществе и построения адекватной теории.

Результаты исследования могут быть использованы также для совершенствования технологии проведения избирательной кампании политическими партиями.

Необходимо отметить, что в условиях большой социальной нестабильности возрастает вероятность неточного количественного прогноза. Построение модели динамики электоральных предпочтений с учетом нестабильности может строиться на основе case study избирательных кампаний в кризисных условиях, в том числе на зарубежном опыте (например, выборы в Испании в марте 2004 г.). В задачи настоящего исследования построение кризисной модели не входит. Мы определяем цель исследования как построение модели динамики электоральных предпочтений в ходе кампании по выборам в Государственную Думу 2011 г. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1 Охарактеризовать группу «изменивших мнение в течение избирательной кампании» в сравнении с другими группами избирателей.
- 2 Проанализировать группу «изменивших мнение в течение избирательной кампании», ее состав, однородность.
- 3 Уникальность панельного исследования — возможность отследить динамику индивидуальных выборов. Поэтому важно проанализировать динамику электорального выбора в зависимости от времени до выборов (на разных стадиях избирательной кампании.)

Результаты анализа данных исследовательского проекта ВЦИОМ «Электоральная панель» позволяют охарактеризовать группу «изменивших мнение в течение избирательной кампании» в сравнении с другими группами избирателей.

Группа изменивших мнение в течение избирательной кампании более чувствительна к социальной и бытовой неудовлетворенности. При этом в группе сравнительно меньше респондентов с небольшим доходом семьи. В группе «неоднократно менявших решение» относительно больше доля служащих без высшего образования, но меньше доля квалифицированных рабочих.

Следующий признак группы изменивших мнение в течение избирательной кампании — относительно низкая лояльности власти. К этому можно добавить недоверие институту выборов, выражающееся в нежелании участвовать в выборах.

Очевидно, политические симпатии не являются основой выбора для группы с высокой динамикой электоральных предпочтений. При этом в выигрыше оказывается партия, сумевшая привлечь в течение избирательной кампании наибольшее число неопределившихся и сомневающихся. Это свидетельствует в пользу предположения о преимущественно эмоциональной основе динамики электоральных предпочтений.

Находящиеся в фокусе внимания группы с высокой динамикой электоральных предпочтений актуальные проблемы в большей степени связаны не с внутренней политикой государства, а с событиями объективного или случайного характера.

Существенной причиной динамики электоральных предпочтений выступает потенциал протестного голосования. При этом на характер динамики влияет отсутствие адекватного предложения партии патриотического толка, способного удовлетворить избирательный спрос.

Для динамики электорального выбора на разных стадиях избирательной кампании характерна тенденция снижения мотива доверия партии и повышения мотива протестного голосования (на примере электората «Справедливой России»). При этом динамика электоральных предпочтений неоднородна и имеет особенности в зависимости от самих электоральных предпочтений.

Литература:

- 1 Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
- 2 Джарол Б. Мангейм, Ричард К.Рич. Политология. Методы исследования / Пер. с англ.; предисл. А.К.Соколова. — М.: Весь мир, 1997. — 554 с.
- 3 Моосмюллер Г., Ребик Н.Н. Маркетинговые исследования с SPSS: Учеб. пособие. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 160 с.

Е.С. Петренко
РОССИЙСКОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ
МАССОВЫХ ОПРОСОВ

ПЕТРЕНКО Елена Серафимовна – кандидат философских наук, директор по исследованиям Фонда «Общественное мнение». E-mail: petrenko@fom.ru

Добровольчество повсюду в мире становится сегодня мощным ресурсом включения, прежде всего молодежи, в профессиональную и общественную деятельность, фактором формирования гражданской ответственности. Опыт последних лет показывает, что и в нашей стране добровольческое движение постепенно растет, увеличивается количество людей, вовлеченных в различные социально значимые инициативы в качестве волонтеров.

Можно утверждать, что в стране существует потенциально достаточно весомый корпус социально активных людей, которые готовы заниматься добровольческой деятельностью и способны внести заметный вклад в процессы модернизации. Однако на сегодня этот ресурс практически не актуализирован, его социальный адрес не опознается и, соответственно, в этих процессах он не задействован. Так, каждый четвертый россиянин старше 18 лет за последние 2–3 года в той или иной форме занимался добровольческой деятельностью, а каждый десятый «занимался этой деятельностью часто, много раз» [1].

За последние годы проведено много исследований, посвященных становлению российского гражданского общества [2–4], его формированию, функционированию, его бедам и чаяниям. Одно из последних исследований, посвященных положению дел в российском гражданском обществе, было проведено ФОМ в 2012 г. по заказу Центра исследований гражданского общества НИУ ВШЭ; всего было опрошено 41 500 человек в возрасте от 18 лет, проживающих в 2259 населенных пунктах 83 субъектов Российской Федерации.

Тематически опрос был разбит на четыре больших блока, в которых исследовались правовое сознание россиян, их информированность о негосударственных некоммерческих организациях и отношении к ним, их участие, а также желание участвовать в деятельности негосударственных некоммерческих организаций, участие россиян в благотворительности, в том числе в форме добровольческой работы и в форме денежных пожертвований.

Естественно, после многочисленных жизненных неурядиц, выпавших на долю жителей России в 1990-х гг., большинство респондентов сочли наиболее важными права и свободы, гарантирующие стабильность жизни. Также важнейшими назывались право на бесплатную медицинскую помощь (56% опрошенных), право на труд (46%), право на социальное обеспечение в старости (44%), право на владение собственностью (42%), право на бесплатное образование и право на жизнь (по 39%).

Разумеется, взгляд на приоритетность универсальных гражданских прав, таких как право на информацию, свободу слова, право на свободное передвижение по стране, в значительной мере зависит от уровня образования, достатка и возраста респондентов. Для представителей пассивных групп, обладающих активной жизненной позицией, для молодых, образованных, владеющих собственностью эти права заметно более важны.

Сформулировав кратко, можно сказать: что не ценим, того и не имеем. Весьма наглядно подобное отношение иллюстрирует ответ на вопрос, куда бы обратился

респондент, если в госучреждении были нарушены его права. Треть респондентов (33%) обращаться не стали бы никуда. В вышестоящие органы власти пожаловались бы 22% опрошенных, а к начальнику чиновника – нарушителя прав обратились бы 15%. Вполне логичная реакция при столкновении с вертикалью власти: жаловаться все выше, выше, выше... вплоть до самого президента. Лишь 18% опрошенных обратились бы в суд. К депутату и в средства массовой информации обратились бы по 4% опрошенных, в общественные организации – 3%, в криминальные структуры и/или в политическую партию (!) – по 1%.

И хотя апеллировать в случае несправедливости к общественным организациям готовы всего 3%, тем не менее осведомлены о негосударственных общественных некоммерческих организациях граждане России достаточно хорошо. Знают или хотя бы слышали о них 76% респондентов. В первую очередь речь идет о политических партиях (49% от всех опрошенных), профсоюзах (45%), садовых и дачных товариществах (42%), обществах защиты прав потребителей (40%), объединениях ветеранов Великой Отечественной войны, «афганцев» и «чернобыльцев» (40%), товариществах собственников жилья и жилищных кооперативах (38%), обществах инвалидов (38%) и других структурах – экологических, правозащитных, благотворительных (от 8 до 24%).

Однако доверие к тем или иным организациям испытывает лишь 37% от всех опрошенных. Наибольшее доверие люди испытывают к обществам защиты прав потребителей (12%), ветеранским организациям (9%), садовым дачным товариществам (8%), профсоюзам (тоже 8%) и обществам инвалидов (7%). Политическим партиям, правозащитным организациям, религиозным общинам доверяют всего 4% опрошенных.

Очевидно, первенствуют в данном списке доверия те структуры, которые хотя бы теоретически обязаны обеспечивать права и свободы, гарантирующие стабильность повседневной жизни.

За последние два-три года только четверти россиян случалось безвозмездно поработать на благо других людей. Большинство респондентов занимались безвозмездной деятельностью на благо других людей в одиночку (13%). Примерно такое же количество россиян были вовлечены в добровольческую работу через те или иные организации. В основном это происходило по месту работы (4%) или жительства (3%), а также в составе инициативных групп (2%).

На общем фоне отношения россиян к некоммерческим организациям и добровольческой работе выделяется популярность такой формы общественной деятельности, как благотворительные пожертвования. На вопрос о том, делали ли респонденты пожертвования за последние два-три года незнакомым нуждающимся людям деньгами (включая милостыню), утвердительно ответила примерно половина опрошенных (51%). При этом заявили, что делали это часто, много раз, 15%, редко, несколько раз – 33%, однажды – 3%.

Вторичный анализ результатов серии исследований ФОМ, проведенных в 2007–2011 гг. по заказу НИУ–ВШЭ позволил «эмпирически выявить три составляющие (три уровня развития) социального капитала: первый уровень личностный – доверие ближайшего социального окружения (на ближней социальной дистанции); второй уровень общественный – общественное доверие в стране (на дальней социальной дистанции); третий уровень институциональный – доверие к институтам власти и оценка роли этих институтов в поддержке общественного доверия».

Исследования выявляют разрыв между первым и остальными уровнями доверия. На ближней социальной дистанции люди склонны доверять и помогать друг другу. Однако этот потенциал пока практически не задействован общественными организациями [5].

Россияне нечасто доверяют государственным структурам, но точно так же они не испытывают доверия и к некоммерческим организациям, видимо, подсознательно отождествляя их все с тем же государством. Не случайно чаще всего респонденты, вовлеченные в добровольческую деятельность, занимаются ею преимущественно самостоятельно, в одиночку. То же можно сказать и относительно благотворительных денежных пожертвований, которые россияне предпочитают делать максимально адресно.

В этом кризисе доверия и состоит основная проблема развития гражданского общества в нашей стране.

Литература:

- 1 Мерсиянова И.В., Коренева И.Е. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО // Мониторинг гражданского общества. Выпуск VI. НИУ ВШЭ. — М., 2011. С. 84.
- 2 Дилигенский Г.Г. Существует ли в России гражданское общество // Поговорим о гражданском обществе. Институт Фонда «Общественное мнение», 2001.
- 3 Дилигенский Г.Г. Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: структуры и сознание. — М., 1998.
- 4 Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / Под ред. Е.С. Петренко, Л.И. Яковсона. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
- 5 http://www.ng.ru/scenario/2008-07-22/11_society.html.

В.Л. Римский
ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ГОСУДАРСТВЕННЫХ КАРЬЕР

РИМСКИЙ Владимир Львович — заведующий отделом социологии Фонда ИНДЕМ. E-mail: vlrim@yandex.ru

Результаты анализа данных исследования 2012 г. по гранту ИНОП¹ позволяют в авторской концептуализации описать сущности реальных социальных институтов, определяющих политические карьеры в российских регионах, а также обоснования того, как эти институты определяют системную неэффективность государственного управления.

В 2012 г. членами Российской ассоциации политической науки (РАПН), включая представителей ее руководства и исследовательских комитетов, по гранту ИНОП выполнялся исследовательский проект «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровней в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности». Целью этого проекта было определение возможностей и ограничений существующих механизмов развития политической карьеры лидеров местного и регионального уровней в современной России для выявления наиболее перспективных путей совершенствования процессов ротации, обновления и омоложения политических элитных групп данных уровней.

В ходе работы над проектом с конца апреля по начало июня 2012 г. проводились экспертные интервью с 22 ведущими российскими учеными в области элитологии и регионалистики из числа членов РАПН. Они являлись преимущественно докторами и кандидатами политических и социологических наук, крупными специалистами по предмету исследования, проживающими в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани, Перми, Ростове-на-Дону и Рязани. Интервьюерами были также преимущественно представители руководства РАПН и ее исследовательских комитетов.

Результаты этих экспертных интервью не представляют всего содержания проекта, но позволили представить систему социальных институтов и практик, а также наиболее существенные закономерности политических карьер в регионах и муниципальных образованиях. Краткое изложение авторской концептуализации этих результатов исследовательского проекта приводится ниже.

В современной российской ситуации региональные и местные элиты не являются едиными, они разделены на клики и кланы. Клань, т.е. социальные общности близких или дальних родственников, более распространены в элитах республик Северного Кавказа и в национальных республиках в составе России. В других регионах элиты разделяются скорее по кликам. Кликами можно назвать социальные общности, объединяемые по неформальным принципам и стремящиеся к достижению общих целей, нередко корыстных и неблагоприятных, использующие для этого полномочия входящих в них должностных лиц органов власти в собственных целях и интересах. Элитные клань в российских регионах мало чем отличаются от кланов по целям и мотивам своих действий, а также по

¹ При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 02.03.2011 № 127–рп.

использованию полномочий входящих в них должностных лиц органов власти. Кликовая и клановая структура региональных и местных элит определяет высокую значимость неформальных связей и отношений в их обновлении, омоложении, в рекрутировании в них новых членов.

Российские региональные и муниципальные элиты являются замкнутыми в том смысле, что административные, политические, общественные и иные карьеры замкнуты внутри их сообществ. Лидер местного уровня имеет очень мало шансов подняться в карьере на уровень региональный, а с регионального — на федеральный. В большинстве случаев на должности губернаторов регионов имеют больше шансов получить назначения кандидатуры из других регионов или из федерального центра, а не сделавшие карьеру в своих регионах. Аналогично мэрами городов, особенно крупных, существенно чаще становятся кандидатуры губернаторов регионов, а не сделавшие карьеру в этих городах.

Региональные и местные элиты не консолидированы, их консолидации препятствуют существенные различия интересов во владении и борьба за владение собственностью, а также контроль и распределение финансовых средств государственного и муниципальных бюджетов.

К настоящему периоду сформировались формальные и неформальные институты консолидации региональных элит. К формальным институтам можно отнести вертикаль исполнительной власти и членство в партии «Единая Россия», а к неформальным — членство в группах лояльности и влияния. Но различия интересов представителей разных элитных групп, иногда даже на личностном уровне, этими институтами не преодолеваются. В региональных элитах доминируют эгоистические интересы, можно даже говорить об атомизации групп этих элит, об отсутствии в большинстве регионов их объединений в крупные влиятельные группировки, клики и кланы.

В таких условиях региональные элиты легче всего консолидировать в поддержку интересов федеральных групп влияния и федерального центра. Ведь если каждый представитель региональной элиты отстаивает собственные интересы, а общие региональные интересы фактически не сформулированы, региональные элиты не могут представлять значимых противников в политической борьбе для более влиятельных и сильных федеральных групп влияния, а тем более для федерального центра.

В силу такого подчиненного положения у политических лидеров и представителей региональных и местных элит нет долгосрочных стратегий и оснований для их построения, поэтому руководители регионов и муниципальных образований, депутаты органов законодательной власти этих уровней и практически все элиты ориентированы на выработку краткосрочных целей и стратегий. А эти стратегии чаще всего направлены на решения личных, семейных или корпоративных проблем в ближайшей перспективе, нередко с использованием не вполне законных и коррупционных методов решений возникающих проблем.

Описанные особенности положения региональных и муниципальных элит определяют доминирование личных связей и вхождение кандидатов в те или иные группы влияния, а также коррупцию в назначении на политические и значимые административные должности. Более того именно личные связи в современной российской ситуации стали самым надежным и долговременным ресурсом политических карьер. Сначала карьеры носителей личных связей продвигаются вместе с их патронами, а после исчерпания их ресурсов или в результате случайных стечений обстоятельств уже развитые личные связи помогают начать и развивать собственные карьеры.

Партийный фактор в кадровых назначениях имеет существенно меньшее значение, а реальное влияние на такие решения имеет почти исключительно партия «Единая Россия». Нередко работа в партии «Единая Россия» в первую очередь используется именно для формирования личных связей, которые могли бы способствовать политическим назначениям в органы власти.

По российской традиции профессионализм управления в конкретных сферах деятельности ценится довольно низко при принятии решений о назначениях на политические должности как регионального, так и муниципального уровней, ниже, чем личные и неформальные отношения с первыми лицами. Наибольших успехов в политических карьерах достигают, как правило, руководящиеся личной выгодой и повышением своего социального статуса всеми возможными способами, нередко связанными с нарушениями норм морали и законов, с использованием коррупции. В частности довольно распространенным стал вариант перехода из частного бизнеса в органы власти на ответственные и политические должности, чтобы сохранить свой частный бизнес, собственные материальные капиталы. Кроме того, в современной российской ситуации элиты скорее принимают тех, кто не пытается как-то изменить социальный порядок, предлагает те или иные имитации решений значимых проблем и не создает риски изменений самих элит.

В современной российской ситуации вопрос отбора, обучения и расстановки кадров стал ключевым для обеспечения эффективности системы государственного и муниципального управления. При этом необходимо учитывать, что современная социальная среда в органах власти всех уровней подчиняет себе всех назначенных в них граждан, даже социально активных и амбициозных. И адаптация к этой социальной среде преимущественно приводит к усвоению такими гражданами неформальных норм и правил поведения, в которых доминируют лояльность начальникам и исполнительность. В результате, несмотря на то что современная политика связана с рисками и умениями этими рисками управлять не хуже, чем в частном бизнесе, рискованное поведение руководителей регионов и местных администраций стало практически невозможно. Ведь риски теперь оцениваются не как возможности развития регионов и местных сообществ, а как прямые и очень высоковероятные угрозы продолжения карьер в органах власти. Естественно, что в таких условиях руководители регионов и местных администраций жертвуют решениями проблем своих сообществ ради продолжения и развития собственных карьер, поэтому реально реформирование рекрутирования кадров на субфедеральном уровне может, как это вообще чаще всего бывало в нашей стране, быть осуществлено только с федерального уровня, с верхних ступеней иерархии системы государственного управления.

В современной же российской ситуации к управлению регионами и муниципальными образованиями, в составы их законодательных органов власти приходят кадры, слабо разбирающиеся в конкретных проблемах регионов и местных сообществ, не имеющие мотивации и не знающие способы реальных решений этих проблем. Поэтому многие такие проблемы в постсоветский период не решаются в течение десятилетий, нарастает отчуждение граждан от руководителей регионов и муниципальных образований, других политиков и высокопоставленных должностных лиц.

Л.В. Рожкова
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

РОЖКОВА Лилия Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент Пензенского государственного университета. E-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Проблема политической активности современной молодежи все больше привлекает внимание ученых, что обусловлено потребностью включения молодого поколения в процессы социально-экономического и социально-политического преобразования страны. В целом сегодняшнее отношение российской молодежи к политическому участию характеризуется общей неопределенностью, противоречивостью политических ориентаций и предпочтений, низким интересом к политике, низким уровнем доверия ко всем политическим институтам, за исключением фигуры президента, низким уровнем реального участия в политических и общественных инициативах [1, с. 57–57]. Однако исследования ИС РАН опровергают полную аполитичность молодежи. Так, каждый десятый молодой респондент (11%) интересуется аналитическими программами о политической и экономической жизни страны, причем 51% опрошенных программы политической направленности смотрят периодически. Также достаточно большая часть респондентов черпают информацию из Интернета. Вместе с тем, по данным исследований, доля молодежи, непосредственно участвующих в политической деятельности составляет 1–2%; 14% респондентов активно интересуются политикой [2, с. 60]. Эти данные говорят о том, что современная молодежь старается быть в курсе всех происходящих событий, однако, кроме политики, у нее есть и другие области приложения активности (например, учеба, создание семьи и др.). Как справедливо отмечают социологи, проблема аполитичности российской молодежи связана не только с социальными трансформациями в России, но и обусловлена влиянием советского прошлого, сопровождается тенденцией деидеологизации населения в целом и молодежи в частности [2].

С целью изучения отношения молодежи к политике и политического активизма был проведен ряд социологических исследований. По данным проведенного социологического исследования среди студентов г. Пензы (2009 г., n=270), 78,3% респондентов участвуют в выборах как избиратели, 25% опрошенных постоянно интересуются политической информацией, 18% имеют определенную политическую ориентацию, позицию. Материалы исследования 2012 г. среди студенческой молодежи Пензы и Уфы подтвердили выявленные тенденции. Так, электоральная активность студенческой молодежи достаточно высока — 75% студентов участвуют в выборах. По материалам качественных социологических исследований установлено, что аполитичность студенческой молодежи связана с их неуверенностью в возможности влияния на государственные решения путем участия в политических мероприятиях. Около пятой части респондентов (19%) постоянно интересуются политической информацией, 53% опрошенных интересуются политической информацией от случая к случаю. Только 5% студентов являются активистами политической партии, движения. По результатам исследования юноши в большей мере, чем девушки, имеют определенную политическую ориентацию, как правило, постоянно интересуются политической информацией. Вместе с тем девушки в большей степени, чем юноши, принимают участие в выборах. Данные социологических исследований показали, что

высокоресурсные студенты (с высокой степенью успеваемости, из высокообразованной семьи) чаще интересуются политикой, чем слаборесурсные студенты.

Среди основных причин аполитичности студенческой молодежи неуверенность в том, что личное участие может на что-то повлиять (68% респондентов), отсутствие интереса к политике (27%), недоверие к политикам, низкий престиж многих из них (38%), наличие других, более значимых интересов (18%), слабая осведомленность о политических явлениях, событиях (25%), безразличие к политике как к делу, далекому от жизненных проблем (18%), мнение, что «политика – грязное дело», лучше держаться от нее подальше (18%).

Материалы фокус-групповых дискуссий среди студентов вузов старших курсов Пензенского государственного университета «Основания социокультурной модернизации в российском обществе: взгляды молодежи» (Пенза, 2011 г.) позволили определить отношение молодежи к участию в выборах, референдумах.

Студент, О., жен, 22 года

«Думаю, это несет только вред, разлагает обстановку. Зачем ослаблять власть в стране?..»

Студент, М., жен, 23 года

«Митинги – это хорошо... это привлекает внимание тех, кто в этом не участвует, заставляет задуматься о своей точке зрения...»

Студент, Н., муж, 24 года

«Митинги нужны для того, чтобы высказать свое мнение, касающееся каких-то серьезных проблем, например в профессиональной среде... Вот в других странах выходят на митинги и потом могут принять решение, например, отменить какой-то принятый закон».

Данные социологических исследований и вторичный анализ общероссийских исследований позволили выявить особенности политического сознания и политических ориентаций студенческой молодежи. Полученные данные говорят о неопределенности, противоречивости политических ориентаций студенческой молодежи. Единственное исключение составляет большой уровень поддержки выборов. Также отмечается низкая вовлеченность студентов в политические организации (партии и движения); низок уровень участия студентов в различных акциях протеста (митинги, демонстрации, пикеты и др.). В целом современная студенческая молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень аполитичности, где основной причиной выступает неуверенность молодежи в том, что личное участие может на что-то повлиять.

Литература:

1. Молодежь России / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 96с.
2. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Аналитический доклад ИС РАН: [подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ]. – М., 2007.

В.Л. Романов

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

РОМАНОВ Вячеслав Леонидович — доктор социологических наук, доктор медицинских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: vlromanov@mail.ru

Базисное основание исследуемой проблемы определяется тем, что социальный мир в глобальном масштабе в настоящее время переживает эпоху стремительно возрастающей сложности отношений во всех сферах и на всех уровнях жизнеустройства людей и обществ. Нелинейность стихийно происходящих и преднамеренно создаваемых изменений; непредсказуемость их последствий; нарастающая дисфункциональность традиционных социокультурных, экономических и правовых регуляторов международных отношений — вот основные характеристики глобального мира, находящегося сегодня в состоянии, далеком от равновесия.

Национальные сообщества (страны) независимо от уровня их развития, закономерно озабоченные проблемой сохранения своей устойчивости в неравновесной внешней среде, пытаются ее решать либо путем вступления в различные международные блоки, либо наращиванием своей способности выживать и развиваться в жесткой конкурентной и даже военной борьбе. Однако эти подходы, которые еще несколько десятилетий назад могли дать сколько-нибудь заметный результат, в нынешних условиях глобальных изменений пробуксовывают.

Более того, в ситуации, когда активность современной глобализации стала мощным фактором расширения и ускорения межстранового перелива и перераспределения человеческого, культурного, политического, финансово-экономического, символического и других капиталов, гомеостаты национальных сообществ неизбежно размываются и не успевают восстанавливаться, соответственно, разрушаются и механизмы устойчивости государств. Становясь в этих условиях предельно открытыми турбулентностям внешней среды, страновые общества питаются ее хаосом, продуцирующим их неравновесность, и в порядке обратной связи усиливают хаотизацию глобального мира. Особенно тяжело переносят этот процесс страны, ставшие в эту эпоху на путь радикальных (революционного типа) внутренних трансформаций.

История свидетельствует, что главной мишенью всех без исключения революций и переворотов являлась существующая система государственной власти и управления. При этом ее разрушение не сопровождалось предварительным конструированием и подготовкой к функционированию новой системы правления. Вооруженная только революционными лозунгами и декларированными намерениями, не имеющая опыта управления изменениями в масштабах страны, новая государственная власть, как правило, оказывалась предельно слабой. Неизбежное следствие для страны — системный кризис и пробуждение стихии самоорганизации масс, устраивающих свою жизнь не по законам, не по общественно значимым нормам, а по наитию, групповым понятиям и заимствованным образцам. Такого рода самоорганизация, с позиции

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 13-06-00388).

социосинергетического подхода, научно именуется общественно-негативной, а образно — дикой. Не избежала такой ситуации и современная Россия в результате радикального изменения политического и экономического строя, а также беспрецедентного раскрытия перед турбулентностями внешнего мира.

Попытки предупредить и преодолеть социально-патологические девиации путем укрепления слабеющих институтов все чаще оказываются несостоятельными. Медицине давно известно, что лечить нужно не болезнь отдельного органа, а больной организм в целом и среду, условия которой провоцируют заболевание и поддерживают его. Общество — тот же живой организм. Если определять главный источник его системного заболевания, очевидно следует признать таковым прежде всего процесс социально-патологического формирования и развития единства государственного управления и самоорганизации общества. Механизм запуска и развития этого процесса также очевиден: в предельно ослабленной на начальном этапе радикальных реформ системе государственной власти и управления правовые регуляторы стали замещаться рыночными отношениями, производимыми общественно-негативной самоорганизацией. Результат известен: патология государственно-правового гомеостата и, как следствие, беззащитная открытость общества, обусловленная не только внутренним разладом, но и повреждающими факторами глобальной среды.

В поиске выхода из столь грозной ситуации стала очевидной необходимость выхода за рамки традиционного представления об отношениях института государства и самоорганизующегося общества с дихотомической позиции. Научное обоснование перехода от формулы «или то, или другое» к утверждению «и то и другое» подсказывает теория социальной самоорганизации. Известно, что корневым основанием этой теории является синергетика как общая теория самоорганизации, изучающая процессы спонтанного возникновения порядка из хаоса в природных явлениях и образованиях. Именно этот механизм имели и продолжают иметь в виду сегодня реализаторы либеральных рыночных реформ, ратующие за максимальное устранение управленческого вмешательства государства в жизнь общества. Это результат механического переноса положений синергетики в теорию социальной самоорганизации. В отличие от самоорганизации в природе, где порядок образуется спонтанно на основании безотказного действия физических законов и инстинктов, в процессы социальной самоорганизации органично включен разум человека, наделяющий его способностью управлять. Это положение и является базисным основанием формулы «и то и другое» в понимании органичного единства самоорганизации и управления в процессах упорядочения жизнеустройства человеческого мира.

Происходит ли формирование этого единства в современной России? Ответ утвердительный — да, и не только формируется, а имеется в состоявшейся форме. Но здесь мы сталкиваемся, казалось бы, с парадоксом: единение есть, а позитивных для общества результатов от него не проявляется. На самом деле парадокса нет, есть проблема качества состоявшегося единства.

Органичным единство любых составляющих какой-либо целостности является в том случае, когда их функционирование устойчиво взаимосвязано, взаимообусловлено и взаимодополнительно. Для характеристики реального состояния единства государственного управления и рыночной самоорганизации в современной России приведу несколько фрагментов из результатов проведенного нами в сентябре 2012 г. социологического исследования.

Так, на вопрос о влиянии нынешних отношений государственного управления и самоорганизующегося бизнеса на развитие российского общества отрицательный ответ дали 57% опрошенных. В этой связи участникам опроса было предложено назвать, какие условия определяют отрицательное для развития общества единение государственного управления и самоорганизующегося бизнеса. Мнения респондентов по этому вопросу сфокусировались на следующих вариантах ответов:

- отношения государства и бизнеса строятся на неправовой основе — мнение 52% респондентов;
- низкий уровень нравственности как в бизнесе, так и в государственном управлении (51%);
- взаимная поддержка противоправных действий (31%).

В рамках этого же исследования его участникам было предложено выделить социальные факторы, которые являются основными источником такого, прямо сказать, коррупциогенного единства. К первым трем по значимости факторам были отнесены:

- доминирование материальной потребности над всеми другими — мнение 59% респонденто;
- наличие в обществе людей, склонных к получению личной выгоды с использованием служебного положения (44%);
- громадные социально-экономические диспропорции, неравенство в доходах (43%).

Представленных здесь данных, несмотря на их фрагментарность, достаточно, чтобы увидеть всю сложность выделения в этом действительно органичном единстве управления и самоорганизации стороны, ответственной за патологизацию общества. В настоящее время отчетливо проявляется попытка выставить в таком значении государство в лице коррумпированного чиновничества, т.е. управленческую сторону. Но разве в коррупции задействована только одна сторона?

Таким образом, социально-синергетический подход и сформулированное на его основе положение о качестве единства управления и социальной самоорганизации определяются базисным основанием в разработке методологии укрепления жизнестойкости национального сообщества в условиях нарастающей сложности внутренних и глобальных трансформаций.

Теперь рассмотрим, как этот методологический концепт выводит на определение места и значения государственности в деле оздоровления российского общества. Прежде всего о понятии «государственность». Наиболее часто это понятие используется в политологической, юридической и исторической литературе, где его определение в основном представляется или как синоним термина «государство» в традиционном представлении как особой формы территориальной организации общества, или как обозначение системы органов государственной власти, или в значении характеристики государственного управления. В ряде работ последних лет государственность рассматривается в более широком представлении, в котором заметны попытки

преодоления классического взгляда на государство — в основном как аппарат принуждения к исполнению законов, стоящий над обществом.

С позиции социосинергетического подхода понятие «государственность» определяется как особый признак, которым отмечены содержание и результативность отношений государственной власти и народа в делах человекомерного развития общества и укрепления позиции страны в мировом сообществе. В контексте этого определения качество единства управления и социальной самоорганизации может отражать качественное состояние государственности.

Уровень качества государственности оценивается прежде всего по степени и характеру устойчивости общества в условиях повреждающего воздействия на него факторов внешней среды. Рассматривая в настоящем сообщении эти условия как продукт глобализации, необходимо иметь в виду ее современные особенности. Главная из них — нарастание сложности ее проявлений. Еще в недавнем прошлом глобализация воспринималась и определялась как процесс формирования интегрированного человеческого мира на основе спонтанного распространения и включения в жизнь локальных обществ единых форм и норм жизнеустройства (самоорганизующаяся глобализация). Относительно спокойное отношение обществ к такому проявлению глобализации в последние десятилетия сменилось напряженностью, перерастающей в антиглобалистские акции в связи с активным навязыванием суверенным странам единого порядка путем не только экономического, политического и информационного давления, но и с применением вооруженной силы (организуемая глобализация).

Сегодняшний глобальный мир превратился в источник посягательств на суверенность обществ, причем многие из них стали отвечать на такую глобализацию сепаратистским настроением и активной защитой своего суверенитета. Некоторые ученые этот процесс интерпретируют как конец глобализации. Видимо, это не так. Глобализация — это объективный процесс, развивающийся по законам эволюции с неизбежными в ней кризисами, порождающими новые параметры мирового и локального порядка.

Идея становления российской государственности в условиях вызовов современной глобализации — одна из научных предпосылок в сложном поиске путей не только сохранения и укрепления суверенитета страны, но и оздоровления образующего ее многонационального общества. В первых очертаниях она заявила о себе в процессе реализации нами, начиная с 2007 г., двух трехгодичных проектов Российского фонда фундаментальных исследований по теме инноватики государственного управления и исследования феномена общественно-негативного развития социальной самоорганизации. В результате создан определенный задел для ее разработки. В его активе наряду с названным здесь положением о единстве социальной самоорганизации и управления разработаны положения о динамической устойчивости, операциональной открытости социальных систем, мембранном механизме тектологических границ, темпоральном дисхронозе эволюции обществ и систем государственного управления и другие.

Г.В. Рябцовский, Т.С. Болховитина
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ¹:
ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

БОЛХОВИТИНА Татьяна Сергеевна — кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Брянский филиал). E-mail: ekakarpenko@yandex.ru

РЯБЦОВСКИЙ Георгий Владимирович — аспирант, директор Центра компьютерных технологий и информационных систем Брянского филиала РАНХиГС. E-mail: grnp13@yandex.ru

Выборы, как известно, являются важнейшей составной частью политического процесса, выступая реальным механизмом прямого волеизъявления граждан в соответствии с Конституцией и законами [1]. Являясь одним из способов учреждения политической власти, они воздействуют на официальный политический курс, модифицируя политическую систему, в ходе чего достигается компромисс по поводу наиболее социально значимых проблем развития общества, обеспечивая социальную стабильность. Вместе с тем становление института политических выборов осложняется рядом противоречивых аспектов. Во-первых, современная риторика демократии, освоенная и средствами массовой информации, и даже на уровне обычного человека, на самом деле не имеет границы освоения, в результате чего трансформируется само понятие «демократия». Аморфно-адаптированный, патерналистски ориентированный характер социальной структуры современного российского общества — это одна граница. Вторая граница — это власть, которая до настоящего времени не выработала механизмов создания эффективной системы политического представительства интересов этих групп, что является одной из причин отсутствия развитой конкурентной партийной системы, способной стать системой каналов представительства интересов социальных групп и обеспечить стабильность института политических выборов. Именно поэтому российская демократия — это особый «демократический порядок», который принимает большинство населения, потому что это не чревато для него сколько-нибудь серьезными переменами. Таким образом, два тормоза, или фильтра, создают трудности для понимания демократии и реального ее развития в России на уровне гражданского общества.

К сожалению, существуют и такие обстоятельства, когда нормы права действуют в пользу одних социальных групп и в ущерб другим. Как это связано с проблемой легитимности парламентских выборов в 2011 г.? Действующие нормы оказываются неэффективными, если не устанавливается согласие относительно транспарентности выборов или консенсуса в отношении права контролировать выборный процесс, который препятствует росту коллективного поведения неустойчивости [3]. Достигается это в результате конкурентного торга и политического компромисса и согласования взаимных

¹ Статья написана в рамках исследования, проводимого Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования под руководством С.С. Сулакшина совместно с Брянским филиалом РАНХиГС с использованием материалов базы данных «Электоральная панель ВЦИОМ 2011–2012» (Ivov@vciom.com).

интересов через образование согласительных комитетов и арбитражных парламентских комиссий. В этих случаях, согласительные процедуры, имплементированные в избирательный процесс, снижают накал социальных противоречий и межпартийных разногласий, поскольку в обществе существует понимание необходимости многопартийной системы, полюсами которой являются так называемые консервативные и либеральные партии. В то же время нет уверенности в том, что если суммировать действия отдельных членов общества, может получиться результат, соответствующий модели политической рациональности одного конкретного политического актора [8]. Современные либералы, опираясь на классическое наследие, в общем едины в защите свободы личности от посягательств государства, а также в требовании конституционного правления, предоставления гражданских прав и неприкосновенности частной жизни. Фактически то же мы видим и в программах современных консервативных партий Европы, которые приветствуют конституционное право как способ сохранения власти и организации общественно-политической жизни. Таким образом, компаративное измерение консервативных и либеральных установок явно свидетельствует об исчезновении партий, исповедующих чисто классические либеральные или консервативные идеи, не говоря уже о том, что, выступая в роли оппозиционных сил во время выборов, они опираются на одни и те же сложившиеся институты и структуры сохранения существующего порядка.

В России политические выборы являются своеобразным политекстаменом лидеров, опирающихся на административный и профессиональный потенциал, доказывающих свои преимущества и утверждающих способ своих действий в качестве эталона государственной управленческой деятельности. Культ партийной персонализации единственного «своего» лидера, часто соотносимый с авторитарными ценностями и стилем управления, приобретает стиль демократических ценностей партий как на уровне поведения членов команды, так и на уровне декларативных заявлений в предвыборных программных ориентирах. Подобные прецеденты, как известно, лишь провоцируют углубление политического кризиса, конфликта между обществом и властью.

В настоящее время, по опросам общественного мнения, большинство российских граждан полагает, что стране необходима «политическая оппозиция власти». Согласно опросу Левада-центра, так думают от 57 до 69% респондентов в 2004–2011 гг.[7]. Следует отметить, что зачастую гражданин голосует за партию, с которой он себя ассоциирует, а не на основании собственного интереса, действуя иррационально, основываясь на смыслах, которые трудно понять в контексте теории рационального выбора [2]. Тем не менее данная теория может быть весьма полезным инструментом исследования, в частности при анализе статистических данных [10].

Еще одна проблема полноценного функционирования института политических выборов в современной России связана с тем, что политический выбор является сложной интегративной категорией, которая включает весь набор идей, мнений, подходов, существующих на данный момент в обществе. Чем уже спектр, тем вероятнее застой и стагнация, так как отсутствие здоровой конкуренции идей, замысленность взглядов не позволяют рождаться наиболее эффективным решениям. С другой стороны, чем шире спектр, чем больше разброс мнений, тем вероятнее разброд и анархия, так как невозможен консенсус. В связи с этим замер политического выбора, наблюдения за его изменениями могут дать представления о тенденциях в развитии страны, а также о возможных изменениях в будущем. Замерить весь набор идей, мнений, подходов — задача

трудновыполнимая. Однако существует один индикатор, чувствительный к политическому процессу в целом, — это отношение населения к решениям власти.

В противовес социальной дихотомии, присущей простым социальным замерам с набором ответов «да/нет», выдвинутая Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (г. Москва) и опробованная в Брянской области на базе Брянского филиала РАНХиГС модель компаративного измерения политического выбора включает широкую гамму позиций от категорического pro до категорического contra относительно курса правящего политического режима [9]. Так, например, проведенный в апреле 2012 г. очередной общероссийский этап опроса и вычислений политического выбора показал, что динамика этой структуры чувствительна к процессам, идущим в обществе. В период «осень 2011 г. — зима 2012 г.» в распределении политического спектра наблюдалось значительное превалирование крыла contra. После президентских выборов число людей, относящих себя к этому крылу спектра, пошло на спад. Этот же тренд в сторону успокоения политического настроения в обществе наблюдается и в динамике политической температуры — верхние точки ее значений приходятся на октябрь-декабрь 2011 г., после чего начинается резкое снижение (см. рис. 1).

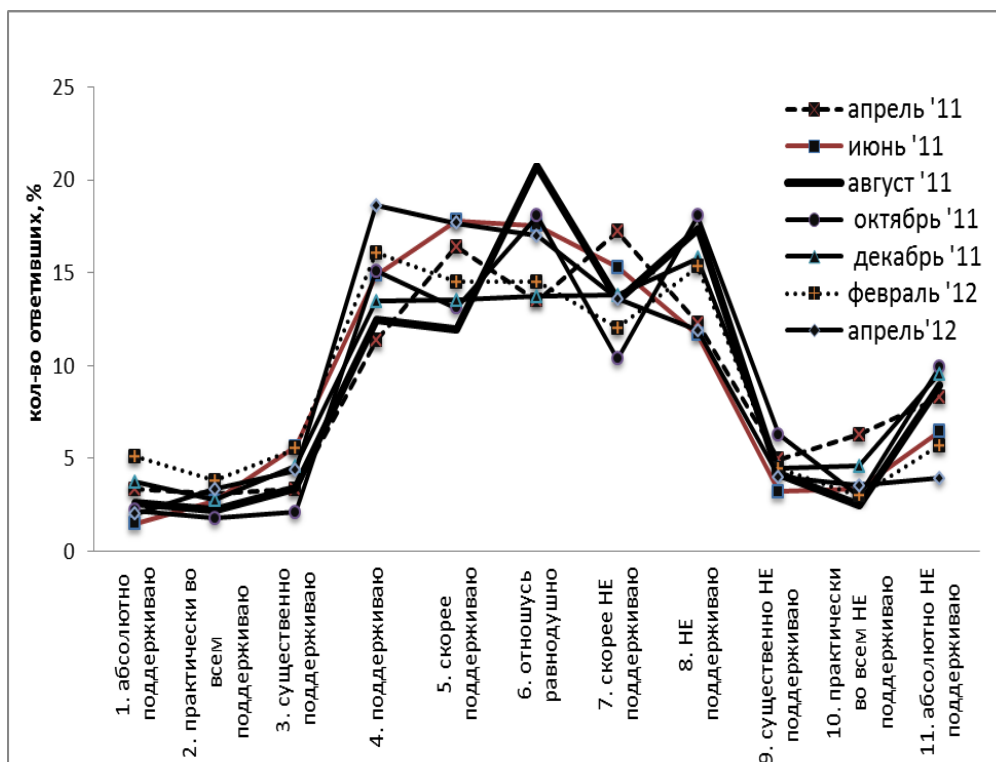

Рисунок 1 — Динамика политического выбора в 2011–2012 гг. В опросе приняли участие 1352 человека из 9 городов: Томск, Казань, Барнаул, Киров, Нижний Новгород, Иваново, Брянск, Смоленск, Челябинск

Тренд возрастания оппонентов курсу руководства страны с декабря по февраль сменился на его падение, что свидетельствует об эффективности избирательной кампании

В. Путина. Уменьшилось число равнодушных и увеличилось число поддерживающих курс правительства.

Анализируя динамику политической температуры, можно отметить, что ее значения за апрель 2012 г. намного ниже аналогичных данных за предыдущий год. Частично улучшение ситуации связано с приходом на пост президента В. Путина.

Прогноз политического настроения в обществе на следующие несколько месяцев напрашивается сам собой: в преддверии летних месяцев очевидно дальнейшее снижение политической температуры (см. рис. 2). Результаты июньского опроса подтверждают летний спад политической активности общества — в сезон отпусков люди меньше внимания уделяют политике и менее критично относятся к курсу руководства страны, а число лояльных курсу руководства страны преобладает над числом оппозиционно настроенных, причем баланс pro–contra практически не изменяется. Таким образом, опробованный инструментарий показал, что сезонный тренд в динамике политической температуры свидетельствует о высокой чувствительности данного инструмента замера политического выбора к различным факторам. Проведенные замеры, зафиксировавшие летний спад рассчитываемой политической температуры, свидетельствуют об адекватности разработанной методики замера политического спектра и политической температуры, ее чувствительности к различным событиям и состояниям общества.

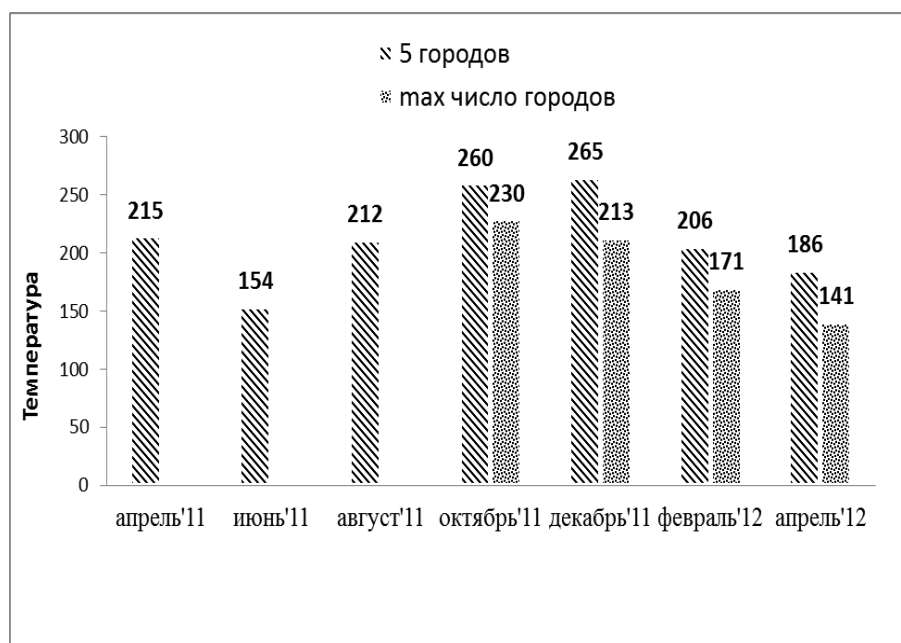

Рисунок 2 — Динамика политической температуры по регионам России

Ожидания резкого роста политической температуры в связи с наступлением весны не оправдались. Это свидетельствует о том, что отражение политического процесса в виде медийного образа, попытка преподнести шумиху на площадях как новое политическое состояние страны не адекватно состоянию российского общества в целом. Опасения, что в обществе назрели революционные настроения, оказались завышены. В этой связи очевидно, что революционные настроения насаждаются искусственно, извне, настроения в обществе не соответствуют раздутым СМИ, а революционные попытки возможны лишь провоцирующим оранжевым путем.

Вместе с тем нельзя недооценивать общий повышательный тренд политической температуры, а также некоторые тревожные тенденции в распределении спектра предпочтений — структуре состояния общества. Продолжение тенденции снижения количества лоялистов режима на фоне роста оппозиционеров и снижения количества равнодушных может привести к созреванию в обществе тех самых, насаждаемых пока извне, революционных настроений.

Сдвиг распределения спектра от середины (высокой степени равнодушия) в сторону крайних позиций есть отражение радикализации настроений в обществе, что является настораживающей тенденцией. Радикализация настроений при общей сравнительно равной численности противоборствующих лагерей негативно влияет на состояние дел в стране, созидательный потенциал температуры в обществе обращается в разрушительный, что может вести к социальным потрясениям (см. рис. 3). Заметным образом происходит радикализация, расслоение политических предпочтений внутри отдельных групп респондентов, которые представляют собой идентичные социальные и элитные группы.

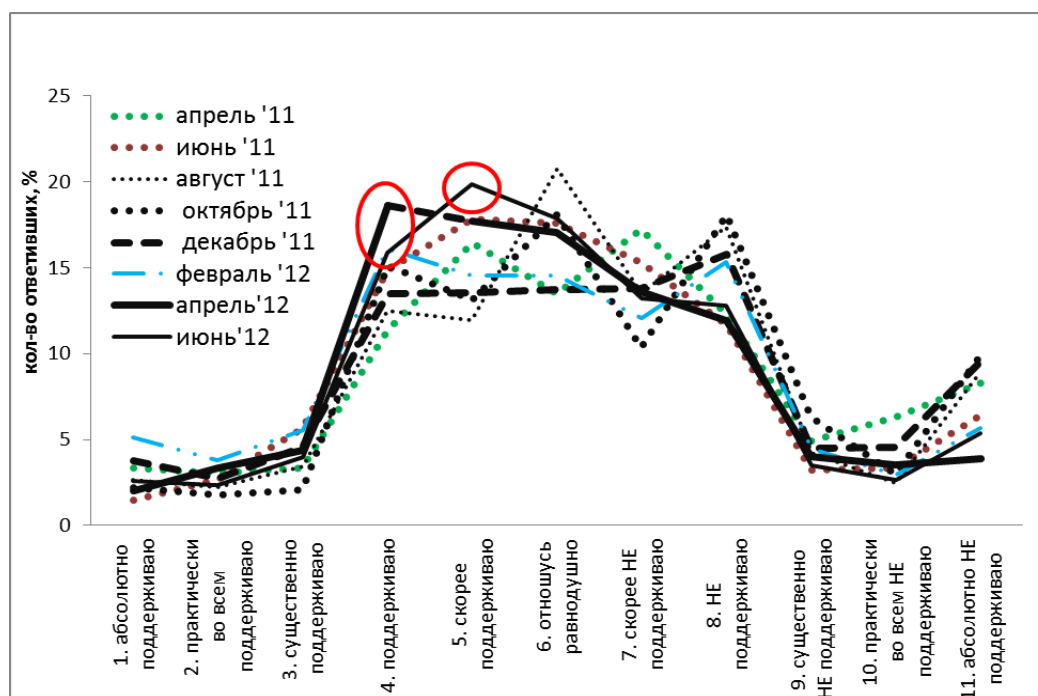

Рисунок 3 — Динамика радикализации настроений в обществе

Кроме того, принятая для исследования когнитивная модель политического выбора, основанная на учете внутреннего мира электората, субъективных представлениях о внешней реальности, которыми люди руководствуются на выборах, показывает, что наиболее важный элемент социально-политического участия в выборах — это образование. Образованным субъектом манипулировать значительно труднее, чем необразованным. Знающий индивид ведет себя более свободно, он менее подвержен внешнему давлению и контролю. Именно знание детерминирует избирательное отношение субъекта к действительности. Участие, таким образом, имеет не просто субъективный, но прежде всего социальный смысл. Если суммировать понимание демократии большинством респондентов — это высокий уровень жизни, порядок и стабильность, но не выборность власти, ее

транспарентность, независимость медиа — это все существенно менее важно. Таким образом, определяющей для общества, которое сложилось в России в последние годы, является установка на адаптацию по принципу «чтобы не было хуже», что подразумевает негативное отношение к тем, кто проявляет инициативу, если только это не первые лица государственной власти. Большинство населения отказывается от самостоятельной инициативы, поддерживая существующий политический порядок [6]. Надо сказать, что это ведет и/или привело Россию в страну гигантской периферии [5, с. 33, 45], кроме Москвы. Она смотрит на сложившуюся ситуацию довольно цинично, отделяя себя от проблем остальной страны. Но такое состояние отстраненности, вообще характерное для российского населения, можно нивелировать повышением субъектности социальной жизни через стимулирование конкурентности и справедливости избирательного процесса, которая остается чрезвычайно анонимной, атомизированной в периферии.

Выводы

- 1 В Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования построена математико-политологическая модель состояния общества, определяющая политическую стабильность или, наоборот, нестабильность политической системы.
- 2 В 2011 г. начато постоянное мониторинговое избирательного процесса в регионах с целью получения тренда политической температуры состояния общества по различным критериям.
- 3 Текущее и краткосрочное состояние общества оценивается как разогревающееся, общество начинает расслаиваться и радикализироваться, но все это объективно еще не соответствует взрывным условиям.
- 4 Компаративное измерение политической температуры доказывает, что искусственное провоцирование выхода народа на площадь и «похода на Кремль» есть проявление сценария оранжевой революции.
- 5 Проанализировав особенности функционирования института политических выборов в современной России, мы отмечаем, что трансформация института политических выборов связана с несколькими факторами:
 - политические выборы в условиях командно-административной системы («серой демократии», когда действующее демократическое законодательство не нарушается) — это выборы без выбора. Народ послушно проголосует за любого предложенного кандидата, а он автоматически победит;
 - к выборам в субъектах стали относиться серьезнее, несмотря на навязанные Кремлем новые выборные правила;
 - весьма изменившаяся за последний год политическая ситуация и системный политический кризис могут отрицательно сказываться на ходе избирательного процесса 14 октября 2012 г. и на результатах самих выборов.

Все это резко сужает легитимную базу власти, усиливает дискредитацию самой демократии, хотя все ее атрибуты остаются на местах, и, как следствие, замораживает развитие института демократических выборов в современной России.

Литература:

- 1 Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 02.05.2012) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.06.2012) // Собрание законодательства РФ. 17.06.2002. № 24, ст. 2253.
- 2 Алексеева Т.А. Современные политические теории. — М., 2000. С. 115–120.
- 3 Болховитина Т.С. Современные концепции политического участия: монография. — Брянск: Брянский филиал РАНХиГС, 2011. — 32 с.
- 4 В опросе приняли участие 1352 человека из 9 городов: Томск, Казань, Барнаул, Киров, Нижний Новгород, Иваново, Брянск, Смоленск, Челябинск.
- 5 Гудков Л.Д., Постсоветский человек и гражданское общество. — М.: Московская школа политических исследований, 2008. — 96 с.
- 6 Источник: еженедельный опрос «Омнибус ВЦИОМ» «Россияне — о планах на будущее и уверенности в завтрашнем дне» // Пресс-выпуск № 2156; URL:<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113314> (дата последнего обращения — 23.12.2012).
- 7 Нужна ли сейчас в России политическая оппозиция власти?; <http://www.levada.ru/archive/partii-i-obshchestvennye-organizatsii/nuzhna-li-seichas-v-rossii-politicheskaya-oppozitsiya> (дата последнего обращения — 23.09.2012).
- 8 Сморгунов Л.В. Теория рационального выбора. Неоинституционализм и политика // Современная сравнительная политология. — М., 2002. С. 62–69.
- 9 Текущий мониторинг политической температуры российского общества (июнь 2012 г.) В июне 2012 г. был проведен очередной общероссийский опрос. В опросе приняли участие 1456 человек из 10 городов и районных центров: Томск, Казань, Барнаул, Киров, Нижний Новгород, Иваново, Брянск, Смоленск, Челябинск, Воронеж.
- 10 Shepsle K. Studing institutions. Some Lessons from the Rational, Choice Approach // Sournal of Theoretical Politics. 1989. Vol. 1, № 2. P. 133.

В.В. Титов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И МОДЕЛИ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ РУНЕТА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ «В КОНТАКТЕ» И FACEBOOK)¹

ТИТОВ Виктор Валериевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова. E-mail: titov-msu@mai.ru

Одной из актуальных практических проблем современной российской политической социологии являются сложные нелинейные процессы трансформации политической идентичности и базовых установок политического поведения различных сегментов российского общества. Сегодня в условиях динамичной эволюции информационного ландшафта России одним из ключевых инструментов формирования политической самоидентификации российских граждан выступают Интернет-коммуникации. Бурное развитие Рунета как многомерного социокультурного пространства способствует не только становлению виртуальных идентичностей (и корреспондирующих с ними сетевых сообществ), но и ретрансляции сетевых идентификационных установок в реальные политические практики и модели политического поведения.

Проведенный нами в октябре 2012 — январе 2013 г. качественный контент-анализ охватывал 200 профайлов пользователей социальной сети «В контакте», 114 профайлов пользователей Facebook, 38 сообществ, ориентированных на политическую тематику. Результаты данного исследования позволяют говорить о том, что все более значимой инструментальной функцией Рунета становится политическая мобилизация и моделирование различных, в том числе протестных, моделей политического поведения пользователей сети.

Всплеск протестной активности ряда социальных слоев российского общества (жители двух столиц, молодежь) нашел свое отражение и в пространстве Рунета. При этом на данный момент, основываясь на результатах исследования, можно говорить о формировании контуров трех различных по своему генезису и проявлениям моделей политического протеста российских юзеров.

Первая модель поведенческой репрезентации — имитационная (подражательная) как правило, характеризуется неявными, эпизодическими признаками протестной активности (часто первоначально закамуфлированной под социальную апатию или сетевой юмор), которая ограничивается исключительно социально-сетевым пространством и обусловлена событийным контекстом. Пользователь проявляет элементы риторики протеста нерегулярно, исключительно в пространстве социальной сети, как правило, среди своих сетевых друзей (комментарии, перепосты, «лайки», обсуждение наиболее крупных акций).

Вторая модель поведенческой репрезентации протеста носит конфликтно-сетевой характер: пользователь погружен в протестную социально-политическую проблематику и

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Формирование национально-гражданской идентичности российской молодежи: политико-психологический и социокультурный анализ», поддержанного грантом Президента РФ МК-7467.2013.6.

выполняет функцию активного распространения соответствующей информации в социальной сети. Немаловажно, что при определенных обстоятельствах, резонансных событиях он готов к активному участию в массовых акциях социального и политического протеста. Вместе с тем деятельность такого юзера часто носит проблемно-фокусированный характер: в центре его интереса находятся одна-две наиболее острые проблемы или ситуации, связанные с протестом.

Третья модель поведенческой репрезентации протеста носит более выраженный конфликтно-мобилизационный характер. Социальные сети в этом случае — инструмент мобилизации виртуального сообщества, способ его материализации во внесетевом пространстве, механизм искусственного поддержания протестных настроений среди периферийных сегментов [1, с. 83]. Нередко представители такой поведенческой модели претендуют на виртуальное политическое лидерство в определенных сетевых сообществах и готовы к системным (при определенных обстоятельствах даже локальным) неконвенциональным действиям.

Немаловажно, что становление различных моделей сетевого протеста происходит в условиях частичного размывания традиционных для российского политического поля самоидентификаций (левые, либералы, путинское большинство) и формирования альтернативных проблемно-фокусированных эластичных идентичностей, динамика которых обусловлена не устойчивыми политическими предпочтениями пользователей, а информационно-политической и социальной повесткой дня. Этот процесс сопровождается структурной трансформацией информационной палитры Рунета, интенсивным переходом от вертикальных (сайты) схем к более динамичным и вариативным форматам коммуникативного взаимодействия: горизонтальным (социальные сети) и диагональным (блогосфера).

При этом анализ специфики российского сетевого протеста позволяет говорить, как минимум, о двух различных системах мотивационных координат пользователей Рунета. Первая связана с определенной, сформировавшейся в 2009–2011 гг. модой на протест (не только политический, но и социальный), которая должна интерпретироваться скорее не как стратегия долгосрочного политического поведения, а в ракурсе поиска новых паттернов самоидентификации юзеров [2, с. 88]. В основании конфликтных моделей политического поведения, формирующихся в сети, лежит несколько иная мотивация, связанная отсутствием устойчивых ценностно-смысловых и символических структур и аморфностью образа будущего в политическом сознании значительного числа российских юзеров.

Литература:

- 1 Бродовская Е.В. Протестная активность москвичей. Опыт эмпирического исследования (2011 г.) // Материалы 6-го Всероссийского конгресса политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». — М., 2012.
- 2 Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / Под ред. В.Д. Нечаева. — М., 2012.
- 3 Мощелков Е.Н. Политическая модернизация в России: современные дискуссии и национальный политический опыт // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. — М., 2011.

М.Н. Топалов

ВРЕМЯ УПРАВЛЕНИЯ СТРАНОЙ И СТАРЫЙ-НОВЫЙ ПУТЬ РОССИИ: ЗАВИСИМОСТЬ СРОКА ПРЕБЫВАНИЯ В. ПУТИНА ЛИДЕРОМ ОТ РОССИЙСКОГО НАРОДА

*ТОПАЛОВ Михаил Николаевич — старший научный сотрудник Института социологии РАН.
E-mail: TopalovMN@mail.ru*

Нынешняя Россия сильно изменилась за последние 12 лет, но этот этап ее развития уже завершен. Ее место и роль в мире, а также возможности развития сильно зависят от теперешнего лидера. Однако существует и обратная связь. Большинство политологов и аналитиков совершенно верно трактуют время президентского пребывания В. Путина в зависимости от его лидерских возможностей и решений. Но после затихания протестных выступлений стала мало учитываться ситуация снизу, и этому есть множество обоснований. Конечно, данная ситуация во многом определяется шагами российского лидера. Среди позитивных примеров этому — политический и экономический рост России, особенно в первый президентский срок Путина, повышение уважения к стране на международной арене и т.д. Среди негативных — нынешняя политическая «смерть» бывшего президента РФ Д. Медведева, массовый отъезд «успешных горожан» на проживание в другие страны и другие. Однако явных провалов в экономике и политике в это время не было. Почему же произошли массовые выступления в Москве среднего класса, а аналитики-политологи спорят о продолжении времени правления нынешнего президента?

Для понимания этого не стоит забывать о таком политическом феномене, как стабильно застывшее общество, с которым Россия уже сталкивалась в эпоху социалистического застоя. Фактически в истории и России, и советского общества было два типа кризисов. Один — активно-революционный. С ним Россия встречалась, к примеру, в 1917 и в 1991 гг. Другой — пассивно-деградационный — также был и при царях, и при социалистическом застое, и при позднем Ельцине. Он выражался и в экономике, и прежде всего в политике. Но в условиях мирового развития даже с учетом нынешнего кризиса, который в любом случае завершится, Россия не может себе этого позволить, так как повторится история с развалом страны.

Однако нынешняя Россия — половина бывшей Российской империи и Советского союза — фактически уже вошла в новый политический застой. Об этом свидетельствует старый-новый срок нынешнего Президента. Об этом свидетельствуют и данные различных соцопросов, где пока незначительно, но увеличивается недовольство нынешней политической жизнью. Наблюдается парадокс: при нынешнем Президенте РФ люди стали жить лучше, но недовольство растет.

Выход из него возможен только двумя путями: или дальнейшей демократизацией всего общества, или энергичным экономическим развитием с постепенной либерализацией. И то и другое в России уже было. Активная демократизация общества была в стране, пожалуй, только однажды — к 1991 г., а активный экономический вариант был несколько раз даже при царизме, включая реформы Петра I и П.А. Столыпина. Надо признать, что чисто экономические реформы были более удачны, чем демократические.

В нынешней России после президентских выборов 2012 г. верховная власть ужесточилась, очевидно, в целях самосохранения. Это видно по разгону митинга на

Болотной площади, началу судебных дел над задержанными на этом митинге, началу политической (из-за репрессий) эмиграции и даже первой смерти такого политэмигранта.

Об этом говорит и такой незначительный, но весьма примечательный факт, как суд над небезызвестным полковником Квачковым, который был осужден «за покушение на государственный переворот» на 15–18 лет. На взгляд со стороны, поступок (прегрешения) Квачкова не выглядят серьезно. Об этом свидетельствует реакция всех СМИ. Однако такая жесткая реакция властей, с точки зрения мировой закономерности, говорит о неустойчивости нынешней российской власти.

Страна, набирающая экономическое ускорение, не может не начать обновляться, модернизироваться политически. Вероятно, возможно замечание про Китай, который многократно, если не стократно, ускорил темпы своего развития за последние 30–40 лет, и про то, что в начале этого пути было весьма жесткое подавление митинга в Пекине. Однако руководство КНР с каждым экономическим шагом вперед добавляло, пусть и сверху, народу политической свободы. Никто не может сказать, что нынешняя КНР — не демократическая страна. А показательные наказания за государственное воровство — это метод репрессий против имманентных пороков застывшего, неразвивающегося общества. Развитие экономической демократии в стране постоянно требует развития политической демократии, что очевидно по жизни простых китайцев. Но в итоге эти меры спасают страну от масштабного разворовыванию и сохраняют большую скорость ее экономического и политического развития.

Исторический опыт учит, что не бывает массового недовольства и протеста снизу, если сверху максимально делается для развития страны и ее народа. Более того, можно предположить, что сталинская индустриализация при всех пороках и игнорировании интересов людей прошла так успешно, потому что своей целью имела развитие страны, и люди это понимали и во многом терпели. Очевидно, такая же ситуация сложилась и в постмаоцзэдуновском Китае, где первоначальный протест был не просто быстро подавлен (это с китайским историческим опытом многомиллионных восстаний), а просто не поддержан большинством населения.

Получается, что, хотя все решения по развитию страны принимает ее руководство, оценку этим решениям и реальным процессам ставит народ, даже самый молчаливый. И если эта оценка негативная, срок правления правителя ограничивается. С учетом нынешней мировой ситуации, брежневский уход по старости уже не возможен, об этом свидетельствует даже нынешняя добровольная смена Папы Римского. А если правитель будет успешно справляться со своими обязанности руководителя страны, срок его властвования будет гласно или негласно поддержан народом.

Выводы

Фактически такая же ситуация стоит и перед нынешним руководителем России. Все жесткости ему будут прощены, если страна продолжит и ускорит свое развитие. Если же этого не произойдет, его уход станет неизбежным раньше намеченного срока. А пути реализации этого ухода будут возможны как сверху, так и поддержаны снизу, поэтому выбора нет: или страна развивается, или власть меняется.

С.Г. Ушкин

НОВАЯ ВИРТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ: ГОД СПУСТЯ

УШКИН Сергей Геннадьевич — младший научный сотрудник отдела социально-экономических процессов ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», аспирант кафедры социологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарева». E-mail: ushkinsergey@gmail.com

В декабре 2012 г. исполнился год протестному движению в России. В этот период в Москве и в других крупных городах проходили многочисленные акции протеста, связанные с различными резонансными событиями («болотное дело», закон Димы Яковлева и т.д.). Тем не менее фиксируется сокращение численности протестующих, а позитивная риторика восприятия митингов сменяется безразличным или даже негативным восприятием¹.

Одним из ключевых факторов российского протестного движения выступает то, что на основе устойчивости мотивации участия в акциях выделяются различные группы акторов: 1) «протестное ядро» — те, кто имеет опыт участия в акциях в течение последних 2–3-х лет; 2) «протестная периферия» — допускающие с высокой степенью вероятности личное участие в подобных мероприятиях; 3) «протестное болото» — те, кто декларируют участие в акциях, но вероятность такого поведения с их стороны низка [2, с. 8]. Вероятнее всего, сокращение количества митингующих и сочувствующих им произошло ввиду вымывания из общего числа значительной части представителей группы «протестного болота», случайных людей, которые на волне первых акций протеста подверглись общему состоянию взбудораженности, но впоследствии свели свою деятельность к минимуму.

Произошедшая кристаллизация протестного движения привела к тому, что, де-факто, оно стало в большей степени радикальным. Как отмечают некоторые исследователи, в настоящее время по-прежнему наблюдаются раздражение и неприятие режима самым политически активным слоем населения, который образует «протестное ядро». При этом социологические опросы свидетельствуют о значительном росте готовности к активным политическим действиям, таким как продолжение акций протеста, пожертвование денег на политические проекты оппозиции, участие в одиночных пикетах и т.д.².

Другой интересной особенностью российского протестного движения выступает тот факт, что доминирующим механизмом консолидации протестной части социума выступает Интернет, продемонстрировавший высокий уровень солидарности в социальных сетях. Результаты исследований на протяжении всего 2012 г. демонстрируют, что именно он выступал главным источником информации о митингах для участников оппозиционных митингов (около 70%), в то время как большинство населения узнает о происходящем в стране и мире при помощи телевидения (81%) [1, с. 21].

По мнению В.В. Путина, Интернет и социальные сети на данный момент представляют эффективный инструмент политики, который часто используют с целью «манипулирования общественным сознанием и прямого вмешательства во внутренние

¹ Согласно ВЦИОМ; URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113467> (опрос проводился 27–28 октября 2012 г., n=1600, статистическая погрешность не превышает 3,4%) (дата обращения — 11.02.2013).

² Согласно опросам Левада-центра; URL: <http://www.levada.ru/07-02-2013/issledovanie-kto-te-kto-protiv-putina> (опрос проводился на шестивии «Марш против подлецов» 13 января 2013 г., n=325, статистическая погрешность не превышает 5,4%) (дата обращения — 12.02.2013).

дела суверенных государств» [3]. Политик открыто признает, что сейчас общественное мнение формируется при помощи активного использования продвинутых информационных и коммуникационных технологий.

Поверхностный анализ оппозиционной активности в Интернете позволяет предположить, что отток «протестной периферии» и «протестного болота» с улиц не сопровождается снижением общего информационного фона обсуждаемых событий. При этом высока активность пользователей: в частности «Новой газетой» в сети было собрано более 100 тысяч подписей против закона, предусматривающего запрет на усыновление российских детей американцами; в общей сложности не меньшее количество человек при помощи электронных ресурсов высказалось за сохранение Санкт-Петербургской городской больницы № 31.

Нельзя не отметить и тот факт, что в социальных сетях пользователи объединяются в группы, которые имеют своей целью протест против признания легитимности действующей власти; количество таких групп варьируется от нескольких десятков до нескольких сотен, численность участников которых достигает нескольких сотен человек. Подобные объединения представляют собой спящих «оппозиционную периферию» и «оппозиционное болото», которые под воздействием внешних синхронизирующих факторов (раздражителей) имеют потенциал не только к проявлению активности в социальных сетях, но и на улицах.

Впрочем, несмотря на кажущуюся оппозиционность российского сегмента Интернета, пользователей, готовых выйти на улицы, за все время существования и функционирования протестного движения было столько же, сколько среди всего населения в целом³. Дополнительно отсутствие интереса к политической жизни нашей страны подтверждается анализом наиболее популярных поисковых запросов в России, представленным компанией Google⁴. Данные свидетельствуют о том, что рядовых пользователей Интернета в большей степени волнует ответ на вопрос «как смотреть фильмы онлайн», нежели то, что происходит в политической сфере. Хотя общий поисковый запрос «выборы–2012» фигурирует в десятке самых популярных трендов года.

Для того чтобы понять, что представляет собой сетевое протестное движение, в феврале 2012 г. нами было проведено исследование в одной из крупнейших оппозиционных групп в социальных сетях и при помощи инструментов таргетингового поиска составлен портрет пользователей, ее образующих⁵. Спустя год после его проведения мы решили повторно рассмотреть портрет новой виртуальной оппозиции с целью выявления динамики изменений протестного движения.

Эмпирической базой исследования выступили данные о пользователях группы под названием «Народ против жуликов и воров» (экс — «Против Путина и «Единой России») в социальной сети «ВКонтакте»⁶. Была проанализирована вся генеральная совокупность, размер которой составил 156 629 человек (по состоянию на 11.02.2012). Методом сбора первичной социологической информации, как и при проведении первого исследования, выступил таргетинговый поиск, функционирующий на основе исследуемой сети. Таргетинг (от англ. target — мишень, цель) — это механизм, который позволяет выделить из

³ Волков Д.А. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты: Аналитический доклад. — М., 2012. С. 21.

⁴ Режим доступа: URL: <http://www.google.com/zeitgeist/2012/#russia/searches> (дата обращения — 12.02.2013).

⁵ Ушкин С.Г. Новая виртуальная оппозиция: кто она? — Социологические исследования. 2012. № 9. С. 86–90.

⁶ Режим доступа: URL: http://vk.com/narod_protiv (дата обращения— 12.02.2013).

имеющейся аудитории ту часть, которая удовлетворяет заданным критериям исследователя (целевую аудиторию); он давно применяется в маркетинге и, по-нашему мнению, его целесообразно использовать при проведении социологических исследований.

В данном случае выделяемыми критериями выступили социально-демографические характеристики и ценностные ориентации. Политические предпочтения выделены не были, так как администрация социальной сети «ВКонтакте» запретила таргетинговый поиск по ним, пытаясь отойти от влияния политических сил.

Осторожное отношение к политике в целом со стороны общественного ресурса наложило свой отпечаток на функционирование и развитие исследуемой протестной группы. Во-первых, произошла смена названия данного объединения на более мягкое, с конкретного «Против Путина и «Единой России» руководство группы перешло на более абстрактное «Народ против жуликов и воров», при этом уточнив, кто все-таки против. Очевидно, таким образом руководство группы решило перестраховаться и не попасть под действие статьи 280 УК РФ⁷. Во-вторых, поиск по группам в социальной сети не отображает данное объединение, что существенно препятствует распространению информации о нем и рекрутированию новых участников. Тем не менее все это не отражается на внутренней активности оппозиционного сообщества: по-прежнему освещаются последние происходящие события, они обсуждаются участниками группы, координируются массовые акции и выступления.

Существенного увеличения численности оппозиционной группы в течение минувшего года не произошло, а социально-демографический состав не претерпел существенных изменений (в феврале 2012 г. численность составила 151 811 чел., в феврале 2013 г. — 156 629 чел.). В структуре пользователей по полу по-прежнему наблюдается гендерный разрыв, выражающийся в нежелании женщин участвовать в деятельности протестного движения, хотя, как показывают результаты опросов непосредственно на митингах, он постепенно нивелируется (табл. 1). Таким образом, виртуальное протестное движение в большей степени консолидирует мужскую часть населения (64% мужчин против 36% женщин), что демонстрирует относительную устойчивость рассматриваемого оппозиционного сообщества.

Таблица 1 Динамика распределения по полу пользователей протестной группы и митингующих, %

Мероприятия	Мужской	Женский
Акция протеста на Болотной площади (04.02.2012) ⁸	71	29
Пользователи группы (13.02.2012)	63	37
«Марш против подлецов» (13.01.2013) ⁹	55	46
Пользователи группы (11.02.2013)	64	36

⁷ 280 статья. Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации.

⁸ Согласно ВЦИОМ; URL <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112492> (опрос проводился 4 февраля 2012 г. на Болотной площади, n=800) (дата обращения — 15.02.2012).

⁹ Согласно опросам Левада-центра; URL: <http://www.levada.ru/07-02-2013/opros-na-marshe-protiv-podletsov-13-yanvara> (опрос проводился на шествии «Марш против подлецов» 13 января 2013 г., n=325, статистическая погрешность не превышает 5,4%) (дата обращения — 12.02.2013).

Если структура группы по полу не претерпела изменений, то по возрасту фиксируются значимые перемены. Главная из них заключается в том, что в ней на 10% увеличилось представительство людей в возрасте от 25 до 34 лет, тем самым процентные соотношения в большей степени приблизились к структуре протестующих людей на улицах. В то же время по-прежнему велико представительство молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, которые составляют половину пользователей группы (47%) (табл. 2).

Таблица 2 Динамика распределения по возрасту пользователей протестной группы и митингующих, %

Мероприятия	До 18	18-24	25-34	35-44	45-59	от 60
Акция протеста на Болотной площади (04.02.2012)	-	17	24	21	24	13
Пользователи группы (13.02.2012)	25	54	16	2	1	2
Пользователи группы (11.02.2013)	19	46	26	4	2	3

Большую часть пользователей группы «Народ против жуликов и воров», как и годом ранее, составляют жители Москвы (22% в феврале 2012 г.; 18% в феврале 2013 г.) и Санкт-Петербурга (по 12% в феврале 2012 и 2013 гг.). Стоит отметить, что в целом анализ репрезентует общую структуру социальной сети «ВКонтакте» (по данным самого общественного ресурса 25% посетителей из России проживают в Москве, 13% — в Санкт-Петербурге). При этом жители других городов (включая города-миллионники) представлены в значительно меньшей степени (не более 2%). Не теряет своей актуальности выдвинутый нами тезис о том, что значительная часть сетевой оппозиции рассредоточена по всей территории России, что затрудняет потенциальные массовые акции протеста в реальности, но демонстрирует общее чувство солидарности с теми, кто к этому способен.

Перейдем к анализу динамики ценностных ориентаций. По данному аспекту также не наблюдается существенных расхождений с данными годичной давности. Большинство пользователей группы не раскрывают свою жизненную позицию на персональной странице (68% в феврале 2012 г.; 63% в феврале 2013 г.). Остановимся на анализе той доли людей, которая ее указала.

Самыми популярными ценностными установками, выбираемыми участниками протестного сообщества, являются семья и дети (38% в феврале 2012 г.; 41% в феврале 2013 г.), саморазвитие (28% в феврале 2012 г.; 29% в феврале 2013 г.), совершенствование мира (11% в феврале 2012 г.; 12% в феврале 2013 г.) (рис. 1). При этом лишь 15% пользователей указывают, что состоят в браке, что может означать о ярко выраженной устремленности в будущее самой популярной ориентации. В целом результаты анализа демонстрируют, что пользователи обладают стремлением к улучшению своего благосостояния и благосостояния окружающих, являются идеалистами.

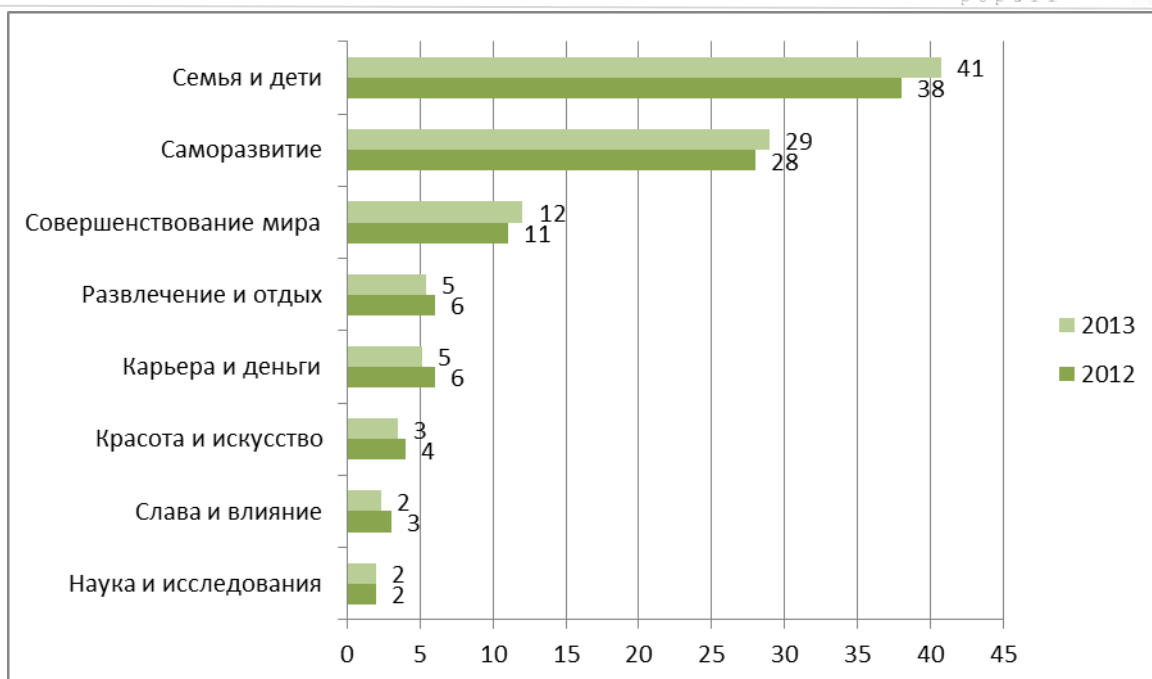

Рисунок 1 — Динамика ценностных ориентаций группы, в % от числа пользователей, их указавших

Далее обратимся к анализу того, что пользователи группы в большей степени ценят в окружающих. Как и в случае с ценностными ориентациями, большинство участников оппозиционного сообщества (62%) их не указала. Тем не менее оставшаяся часть позволяет выявить ряд закономерностей, интересных для дальнейших изысканий (к сожалению, в данном случае мы не располагаем динамикой изменений, однако склонны предполагать, что данный показатель практически не претерпел изменений во времени).

Половина от тех, кто раскрыл на своих персональных страницах главные черты, которые важны в окружающих, выбирают такие ценности, как доброта и честность (52%). Следующими значимыми ценностями выступают юмор и жизнелюбие (19%), третью строчку в данном рейтинге делят смелость и упорство (13%) и ум и креативность (11%) (рис. 2).

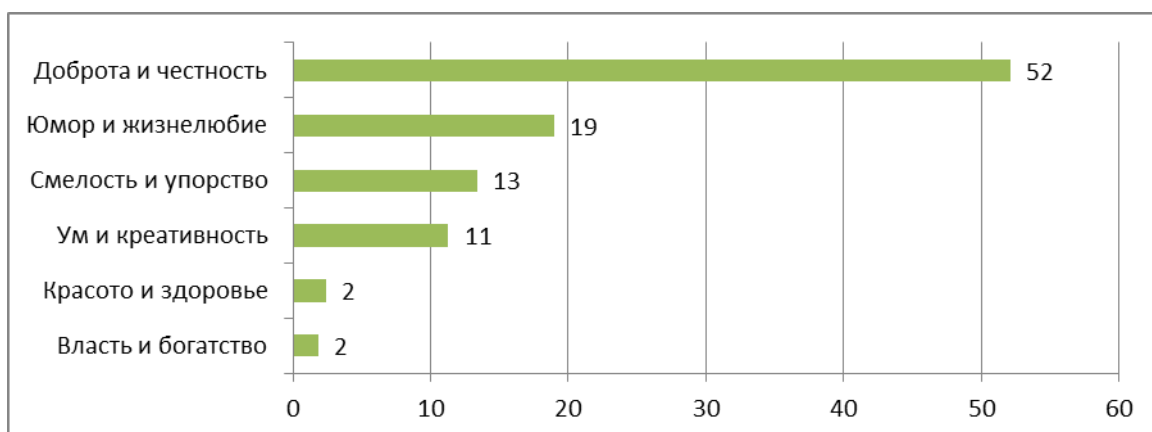

Рисунок 2 — Структура ценностей, значимых для участников сообщества в других людях, в % от числа пользователей, их указавших

Структура ценностных ориентаций указывает на то, что в протестной группе консолидируются люди, деятельность которых направлена на преобразование и совершенствование мира под влиянием чувства несправедливости, нечестности по отношению к ним. Иначе говоря, оппозиционная направленность действий пользователей группы проявляется в том случае, когда они испытывают недоверие к деятельности властей, которое является не политическим, а бытовым по своей природе.

В целом на основании рассмотрения виртуальной оппозиции в динамике и во взаимосвязи с происходящими в стране событиями мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, для понимания оппозиционного потенциала важно, что любая акция протеста носит спонтанный и внезапный характер, однако обусловлена она синхронизирующим фактором. Консолидация значительной части россиян на первых митингах была вызвана сначала недовольством результатами выборов, затем спорными инициативами правительства, которые пестовали чувство обмана, разочарования властью и ее нечестность по отношению к рядовым жителям.

Во-вторых, значимым для прогнозирования тенденций развития виртуального протестного движения является тот факт, что в данный момент сетевое общество аполитично, несмотря на кажущуюся активность в обсуждении политических вопросов. Данные социологических опросов и анализ поисковых запросов в крупнейших поисковых системах демонстрирует незаинтересованность абсолютного большинства в решении актуальных для оппозиции проблем.

В-третьих, группы в социальных сетях не отражают мнения большинства пользователей Интернета и, тем более, мнения большинства россиян. Практически полное отсутствие динамики в увеличении численности исследуемой протестной группы косвенно свидетельствует о том, что после первой волны митингов протестное движение достигло своего максимума, а в дальнейшем постепенно скатываясь к состоянию стагнации. Неприятие инициатив власти порой мобилизует спящие «протестную периферию» и «протестное болото», однако они скорее состоят в группах по инерции, вступив однажды и изредка получая новости от них о важных событиях. При этом численность пользователей всех оппозиционных групп в социальной сети «ВКонтакте» не превышает одного-двух процентов от общего числа всей аудитории, остальные общественные ресурсы демонстрируют схожие результаты.

В-четвертых, на протяжении двух волн анализа фиксируется ряд расхождений между реальной и виртуальной оппозицией, главным образом выражающихся в: 1) существовании возрастных и гендерных разрывов внутри пользователей протестных групп; 2) их широком географическом разбросе, позволяющем лишь дискутировать на заданные темы, но не предпринимать активных политических действий; 3) расхождению вербальных лозунгов и реальных действий, когда виртуальная оппозиция не способна в едином порыве к выходу на улицу.

В-пятых, виртуальное оппозиционное движение устойчиво во времени и не подвержено внутренним изменениям. Структурные подвижки среди пользователей рассматриваемой протестной группы практически не наблюдаются, что позволяет прогнозировать дальнейшее развитие виртуального протестного движения в мирном, не выходящем за рамки пространства Интернета ключе. Разумеется, в том случае, если не появятся синхронизирующие факторы, универсальные для всех (а в ближайшие 5–6 лет такое маловероятно).

В-шестых, рассмотрение ценностных установок протестной группы позволяет говорить о том, что людей объединяет не политическое, а бытовое недовольство существующим режимом. В первую очередь их беспокоит несправедливость современного общества, что отражается в структуре наиболее обсуждаемых проблем в самой группе (например, проблемы коррупции, откатов, взяточничества и т.д.). Периодически накал их подогревается, но интенсивность обсуждения достигается за счет комментариев от активных пользователей группы, составляющих «протестное ядро» виртуального движения, но представляющих его меньшинство.

Таким образом, можно говорить о том, что протестное движение в современной России постепенно сходит на нет, развиваясь инертно. Тем не менее сама активизация использования новых виртуальных форм проявления гражданских инициатив, которые целиком и полностью не зависят от формализованных политических и общественных структур, является очередным шагом к формированию гражданского общества.

Литература:

- 1 Волков Д.А. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты: Аналитический доклад. — М., 2012. — 54 с.
- 2 Мамонов М.В. Протестная активность россиян в 2011-2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107). С. 5–22.
- 3 Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля.

Е.Б. Шестопа
**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В НОВЫХ УСЛОВИЯХ:
СМЕНА ПАРАДИГМЫ ВОСПРИЯТИЯ**

ШЕСТОПАЛ Елена Борисовна – зав. кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ, д.ф.н., профессор. E-mail: shestop0505@rambler.ru

Откликаясь на заявленную тему конференции, мне хотелось бы поговорить о тех возможностях, которые дают для понимания массового политического сознания качественные политико-психологические методы. В частности те методы, которые мы используем для изучения образов лидеров. Традиционно исследования лидерства фокусируются на личности, но для понимания лидерства представляет интерес и то, каким лидером видят его последователи, граждане, общество.

Наши многолетние исследования образов лидеров выявили их сложную психологическую структуру. В ней мы выделяем ряд базовых компонентов. Прежде всего рациональный и бессознательный. На протяжении всех лет наблюдения (с 1993 г.) у многих политиков эти два уровня демонстрировали расхождения¹. При этом в ситуациях политической дестабилизации расхождения усиливаются, а в более спокойные периоды снижаются. Но практически никогда не исчезают полностью.

Отсюда вытекает необходимость учета тех уровней восприятия политиков, которые ими не осознаются. Для этого обычный опрос не годится и приходится искать иные инструменты, позволяющие выявить и зафиксировать бессознательные компоненты образа. Для анализа персонифицированных образов мы используем качественный метод фиксированных ассоциаций с предъявлением черно-белых фотографий в качестве стимульного материала.

В своем выступлении я хотела бы показать те новые тенденции в восприятии российских лидеров, которые появились уже в поствыборный период. Предыдущее исследование образов 6 ведущих политических деятелей накануне президентских выборов² было проведено незадолго до выборов в начале **февраля 2012 г.** Можно предположить, что за прошедший после выборов год могли произойти определенные

¹ См. Психология политического восприятия в современной России/ Под ред. Е.Б.Шестопа. – М.,Росспэн, 2012, гл. 1, 2. В этих главах мы подробно описываем структуру политических образов и факторы, их детерминирующие.

²Исследование образов политиков было проведено кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ. Оно было качественным и не претендовало на репрезентативность для страны в целом. При этом выборка по правилам проведения качественных исследований была сбалансирована по полу, возрасту и образованию. Всего было опрошено около 200 человек в Москве, Саратове, Дагестане, Ставропольском и Красноярском краях и Орловской области. Задачей было выявление особенностей восприятия кандидатов в президенты накануне выборов. Поскольку большую часть образов мы уже исследовали ранее, у нас была возможность проследить динамику их восприятия и сравнить образы 2012 г. с более ранними данными в отношении всех кандидатов, кроме Прохорова. Инструментарий исследования представлял собой топик гайд для глубинного интервью, часть вопросов которого относилась к узнаваемости, фактам голосования за данного политика и других вопросов рационального характера. Другая часть вопросов была нацелена на установление ассоциаций у респондентов с политиком. Опробовав разные типы ассоциаций, мы остановились на фиксированных ассоциациях с животным, цветом и запахом. В качестве стимульного материала использовались черно-белые фотографии политика, выбранные с учетом времени исследования (те, на которых представлен его актуальный образ). Выборка декабрьского 2012 г. исследования составляла 70 человек и была сбалансирована по полу, возрасту и образованию. Исследование проводилось в Москве и Подмосковье.

изменения в восприятии власти и политиков. Нас интересовало, какие сдвиги произошли в образе победившего В.В. Путина в сравнении с проигравшими ему Г. Зюгановым, В. Жириновским, С. Мироновым, М. Прохоровым, Г. Явлинским. Для этого в **ноябредектябре 2012 г.** нами был проведен новый замер по той же методике. Кроме описания изменений в образах тех лидеров, которые мы изучали в канун выборов, мы хотели проверить высказывавшиеся в ряде публикаций последнего времени мнение о том, что трансформация политических настроений граждан в целом ведет к «дальнейшему падению доверия населения к институтам власти и к президенту В.В. Путину. При этом скорость снижения рейтингов доверия и роста рейтингов недоверия беспрецедентна с начала 2000-х гг.»³.

Итак, обратимся к тому, как через несколько месяцев после выборов трансформировались образы 6 ведущих политических деятелей России, которые принимали участие в президентской гонке 2012 г. Посмотрим в первую очередь на образ победителя, затем сравним его с образами соперников. В соответствии с методологией нашего исследования и его гипотезами мы сделаем акцент на сопоставлении рациональных и бессознательных пластов образов.

Образ В.В. Путина

После своего избрания Путин не мог увеличить уже имевшуюся у него 100-процентную *узнаваемость*. Но как показал открытый вопрос «Знаком ли вам этот человек?», респонденты давали на него не просто утвердительный ответ, но и эмоционально подтверждали это узнавание: «*Само собой, Путин*», «*Еще бы, это же Путин!*», «*Да, это наш президент В.В. Путин!*» В высказываниях всех респондентов кроме одного, был зафиксирован позитивный эмоциональный отклик на узнаваемый образ, отражающий определенный бессознательный слой восприятия.

Это тем более примечательно, что на прямой вопрос об *одобрении политических взглядов* В.В. Путина лишь 37,7% дали положительный ответ.

Заметим, что при **общем позитивном настрое образ Путина в его когнитивной составляющей пока еще далек от полной ясности и читается прямо противоположным образом сторонниками и противниками.** Следует также отметить, что после победы на выборах пропорции сторонников и противников его политических взглядов изменились в худшую для него сторону: число сторонников в сравнении с предвыборной ситуацией уменьшилось с 44,8 до 37,7%, а противников соответственно увеличилось с 31,4 до 39,1%.

³ См. опубликованный в октябре 2012 г. доклад ЦСР «Изменение политических настроений россиян после президентских выборов»; <http://www.csr.ru/2009-04-23-10-40-41/378-2012-10-23-14-37-20>.

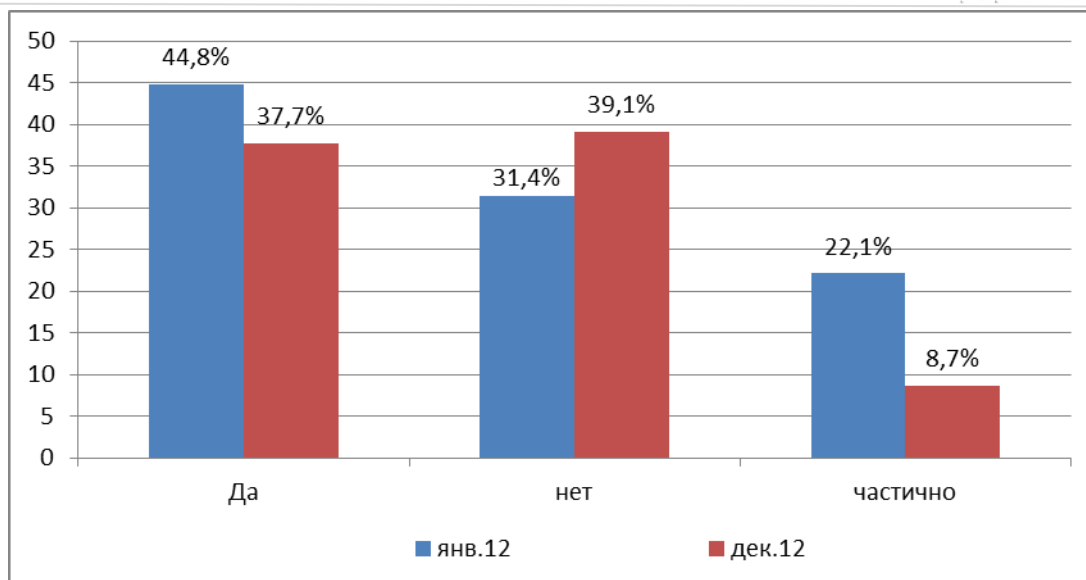

Рисунок 1 — Распределение ответов на вопрос «Одобряете ли вы политические взгляды В.В. Путина?»

По-прежнему среди противников Путина отнюдь не только либералы, но и те, кто упрекает его в излишней мягкости и неспособности жестко контролировать свое окружение.

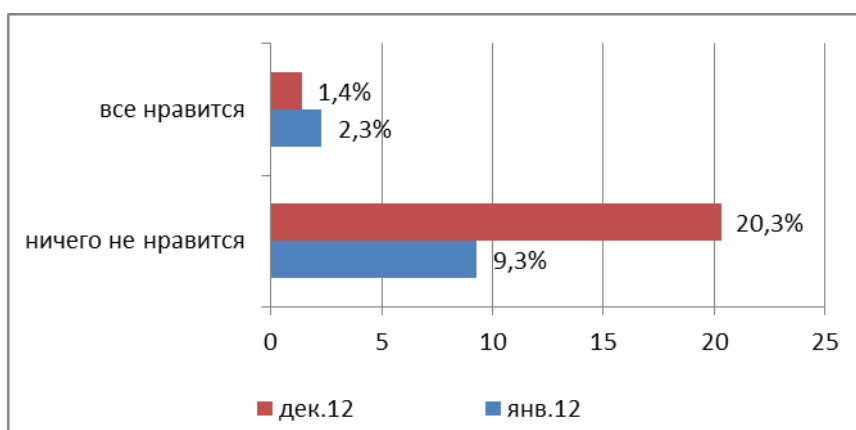

Рисунок 2 — Распределение ответов на вопрос «Что Вам нравится и что не нравится в действиях В.В. Путина?»

Довольно противоречивые тренды наблюдаются в отношении привлекательности образа Путина. Победа на выборах, как это не парадоксально, однозначно прибавила ему противников. Число тех, кому в нем ничего не нравится (заведомые противники) увеличилось до 20,3%. Однозначно приемлющих его образ (заведомых сторонников) практически не осталось, так как те, кто готов его поддерживать, тоже ставят определенные условия своей поддержки (рис. 2).

Граждане всегда приписывают политикам те или иные мотивы власти. Этот показатель играет определенную роль в рационально восприятии образов лидеров. В образе Путина начиная с 2000 г. мотив власти для дела, который стабильно занимал первые ранги, переместился на третье место, уступив место мотивам денег и самоутверждения. Меркантильный мотив более выражен только у Прохорова. Это довольно странная ситуация, которую можно объяснить только воздействием негативных публикаций о разного рода корыстных преступлениях в России в последние месяцы. Этот негативный информационный фон затрагивает образ власти в целом и первое лицо в частности.

Все описанные выше тенденции относятся к рациональному уровню восприятия.

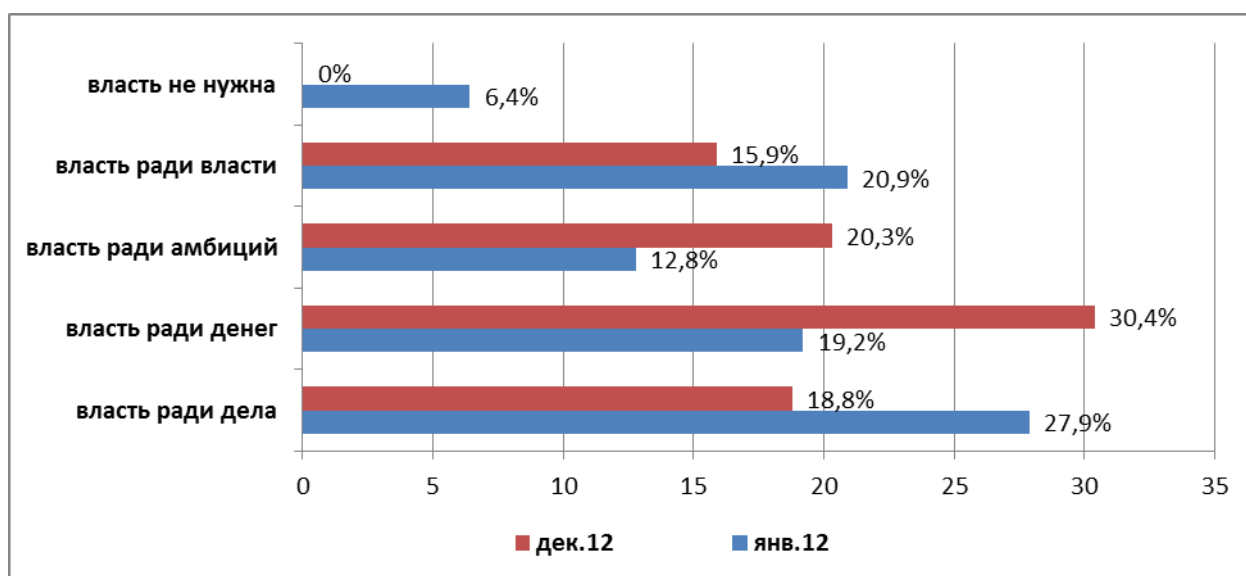

Рисунок 3 — Распределение ответов на вопрос «Как, по Вашему мнению, зачем людям нужна власть?»

Посмотрим на *бессознательный уровень восприятия* этого лидера по тем же параметрам аттрактивности, силы и активности, полученных посредством ассоциаций с животными, цветом и запахами.

Бессознательный уровень восприятия рисует нам политика, намного более привлекательного, чем на рациональном уровне, хотя этот срез образа и снизился за год. Весьма примечательно значительное (более чем в 2 раза) преобладание *привлекательных* ассоциаций с животными над непривлекательными, хотя по сравнению с январем 2012 г. это число снизилось. Что касается *силы*, то здесь налицо расхождение рациональных и бессознательных компонентов образа. Если на рациональном уровне после выборов показатели силы серьезно снизились (с 44,8% в январе 2012 г. до 34,8% в декабре 2012 г.), то на бессознательном уровне представления о силе Путина, напротив, выросли с 31,9 до 36%. *Активность* в образе Путина также лучше выглядит на бессознательном уровне, а не на рациональном. Если на рациональном уровне через год после выборов 2012 г. он достиг самых низких значений по оценке его активности за весь период измерений (21,7%), то на бессознательном уровне его активность (агрессивность) оценивается на уровне 52,2%. Такая тенденция показывает тот резерв, который имеется в образе Путина.

Важно и то, что за год после выборов оценка активности на бессознательном уровне, хотя и незначительно, но выросла.

Ассоциации с животными, запахами и цветом позволяют выявить и некоторые глубинные тренды в восприятии Президента. Так, за прошедшие с момента выборов месяцы он подтвердил свой лидерский статус: ассоциации с животными-повелителями выросли с 7,6 до 11,6%. По этому показателю у него нет равных в российской политике. Лидерские качества отражаются и в размерах образа. Так, число ассоциаций с крупными животными за прошедший после выборов период увеличилось на 6%. Это несомненный успех В.В. Путина. Но одновременно доминировавшая в его образе в прежние годы независимость, которая была, можно сказать, его визитной карточкой, резко снизилась. Еще одной новой чертой образа Путина стало наличие в его образе меркантильных мотивов, что подтверждает данные, полученные на рациональном уровне. Важно и то, что он воспринимается как свой.

Ассоциации с запахом позволяют проникнуть в самый глубинный слой бессознательного восприятия. Путин всегда воспринимался как очень мужественный (маскулинный) политик. По этому параметру он всегда лидировал среди российской элиты. Этот показатель у него достиг пика в апреле 2011 г. Прошедший с последнего замера период показал, что образ Путина стал терять свою телесную наполненность, о чем свидетельствует отсутствие ассоциаций с запахом. Эту тенденцию подтверждает и снижение маскулинности образа, что не может не настораживать, особенно в сравнении с конкурентами. В числе ассоциаций большое место занимают запахи, рисующие не столько привычного нам мужественного и яркого лидера, сколько чиновника-бюрократа: это запахи чернил, бумаги, пыли, свеженапечатанных купюр, старой мебели, запахи старости, разложения. Они появлялись и раньше, но не в такой пропорции.

Таким образом, мы видим, что хотя изменения президента-победителя не всегда для него благоприятны, в целом он воспринимается по-прежнему скорее позитивно, чем негативно. По многим параметрам бессознательные компоненты образа более позитивны, чем рациональные, а это означает, что Путин отнюдь не исчерпал потенциал своей политической и человеческой привлекательности. Однако его образ нуждается в серьезной корректировке, его «тефлоновые» характеристики не безграничны.

Образ Президента на фоне его бывших соперников

Так, по одобрению политических взглядов Путин продолжает сохранять первенство среди других ведущих политиков. При этом только М. Прохоров увеличил число своих сторонников за прошедший год, тогда как все остальные участники президентской гонки 2012 г., включая победителя, их потеряли (больше других *Зюганов*).

На рациональном уровне в образах всех исследуемых нами политиков прослеживается одна интересная особенность: у каждого из них есть заведомые противники (ничего не нравится), но нет безусловных сторонников (тех, кому все в них нравится).

По *привлекательности* образов наиболее *физически привлекательным* политиком в период выборов был и остается М. Прохоров. *Телесные составляющие* образов всех, кроме Явлинского, политиков стали восприниматься более позитивно, чем до выборов.

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «Одобряете ли Вы его политические взгляды?»

Вариант ответа	Дата опроса	Путин	Жириновский	Зюганов	Миронов	Прохоров	Явлинский
да	декабрь 2012	37,7	17,6	5,9	16,9	32,9	12,9
	январь 2012	44,8	24,7	27,1	21,7	20,9	18,9
нет	декабрь 2012	39,1	51,5	64,7	50,7	41,4	57,1
	январь 2012	31,4	54,8	45,9	38,2	36,0	55,4
частично	декабрь 2012	8,7	8,8	10,3	7	26	5,7
	январь 2012	22,1	17,2	22,4	12,1	10,5	5,4

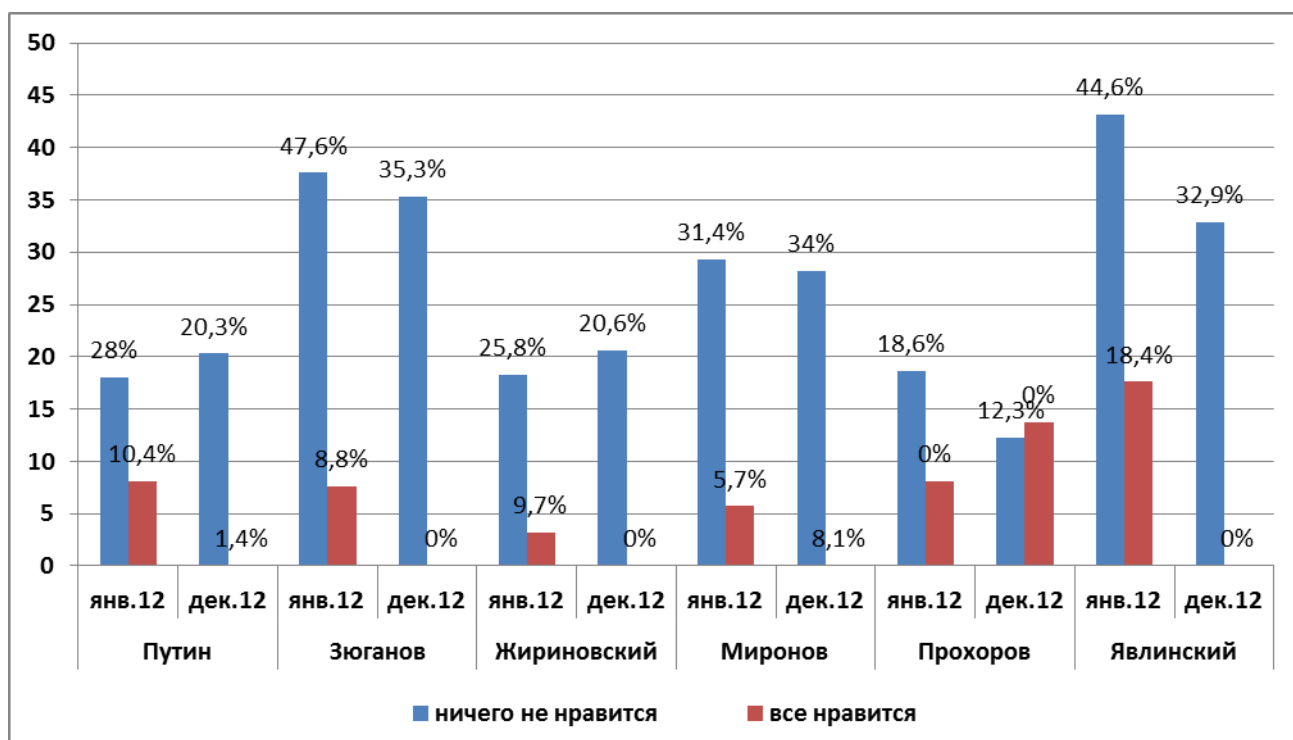

Рисунок 4 — Распределение ответов на вопрос «Что Вам нравится и что не нравится в кандидатах выборов президента?»

По психологическим качествам со знаком плюс («милый», «умный» «настойчивый») и со знаком минус («грубый», «суевливый», «неопрятный») всех других лидеров опережает Жириновский. Его и любят, и ненавидят по этому параметру в первую очередь. Меньше всего противников психологических качеств у Путина, между тем как по числу сторонников он второй после Жириновского и только у этих двух политиков наблюдается прирост за послевыборный период.

Моральное измерение образов политиков является в последнее время весьма важным фактором их успехов и неудач. По этому параметру Путин опережает в настоящее

время всех других своих конкурентов. После выборов он прибавил в восприятии, как, впрочем, и Прохоров, и Явлинский. Одновременно и противников моральных качеств у всех лидеров, кроме Прохорова, *стало больше*.

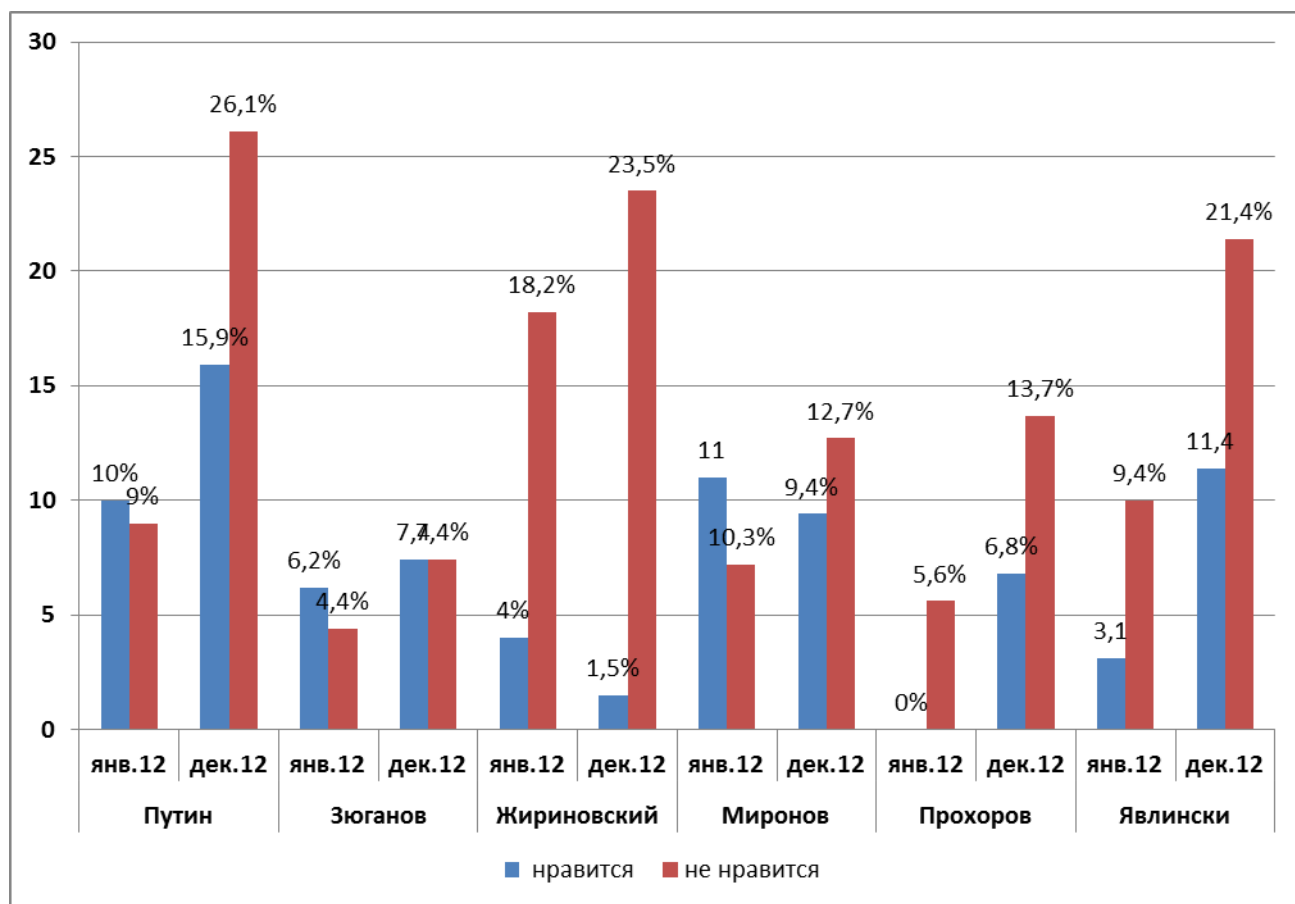

Рисунок 5 — Привлекательность моральных качеств лидеров

Примечательно, что оценки *профессиональных, политических и деловых характеристик* у всех проигравших политиков выросли, тогда как победитель стал оцениваться хуже.

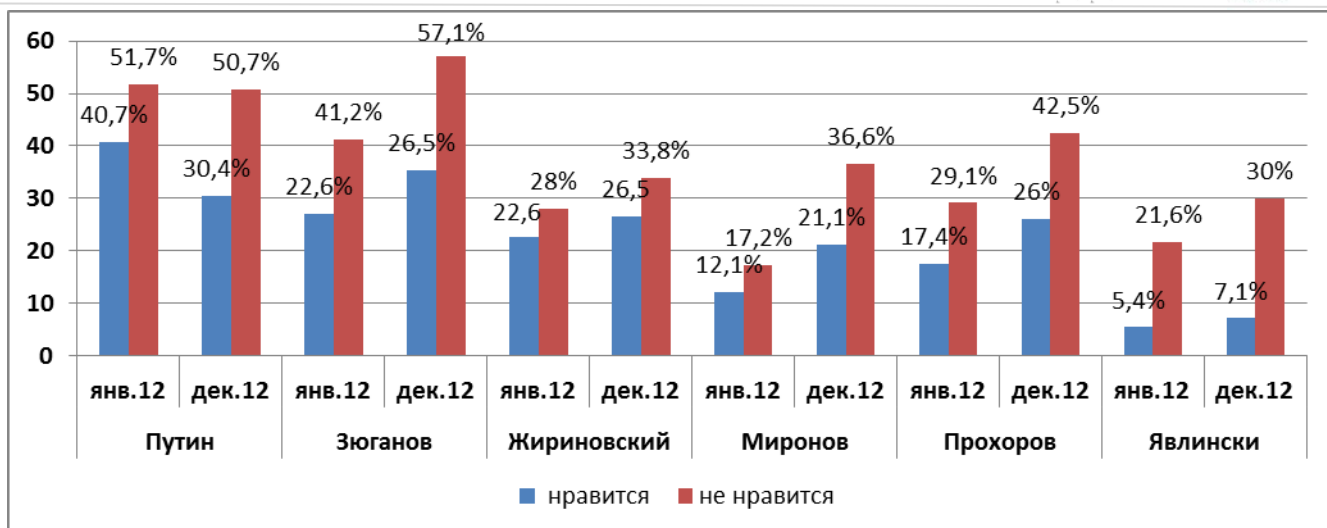

Рисунок 6 — Привлекательность профессиональных, политических и деловых характеристик

Подведем некоторый итог.

- 1 Полученные нами данные показывают, что у В.В.Путина как не было реальных конкурентов среди других кандидатов на пост президента, так и нет сейчас. При этом соперники тоже выиграли по большому счету от участия в этих выборах. По целому ряду параметров их восприятие со стороны граждан улучшилось.
- 2 Прогноз! В то же время с появлением новых партий и их лидеров увеличение спектра сравнения с ними первого лица страны, несомненно, приведет к усложнению политической картины мира и сейчас сложно спрогнозировать как это скажется на тех образах, к которым граждане привыкли.
- 3 Если до выборов главным противником Путина 2012 г. был он сам образца начала 2000-х, то после выборов можно говорить, что у него появился реальный конкурент — М. Прохоров, для которого выборы стали весьма удачным опытом. Он, пожалуй, больше других кандидатов выиграл от них.
- 4 За последний год психологически изменился состав группы поддержки Путина. Этот вывод, конечно, нуждается в проверке на репрезентативной выборке, но и качественное исследование позволяет высказать гипотезу, что та ставка, которую Президент сделал на менее образованную и более консервативную часть населения, привела к изменению состава и его сторонников, и его противников. После прошедших выборов начала размываться та база поддержки, которая делала его Президентом всех россиян. Сегодня те, кто его поддерживают, начинают выставлять условия этой поддержки. Между тем можно видеть, что действия оппонентов приобретает если не более консолидированный, то эмоционально более радикальный характер.
- 5 Привлекательность политиков складывается из ряда параметров. Одним из последствий выборов для граждан стало то, что профессиональные, деловые и политические характеристики политиков остались важным пунктом их требований. И в отношении проигравших политиков можно сказать, что выборы в этом плане пошли им на пользу. У всех, кроме Путина, этот параметр

серьезно подрос. А вот выигравший Путин стал после выборов оцениваться по этому параметру хуже, чем в предвыборный период. Возможно, этот феномен можно объяснить тем, что с победителя спрос выше.

- 6 Обычно моральные параметры образа играют большую роль перед президентскими выборами. Сейчас эта тенденция изменилась, и моральное измерение политики продолжает доминировать в процессе восприятия лидеров и после окончания выборов. Примечательно, что политические, деловые и профессиональные качества политиков были потеснены моральными требованиями к ним. Оценки всех 6 лидеров по этому параметру снизились по сравнению с довыборным замером. Можно говорить, что формируется новый общественный запрос на лидера, для которого моральные ценности — не пустой звук.
- 7 Если посмотреть на образ победившего кандидата более пристально, следует отметить, что и на рациональном, и на бессознательном уровнях по всем параметрам динамика в сравнении с предвыборным замером в целом положительная. После выборов за ним стали чаще признавать лидерский статус, который выборы подтвердили. В нем стали больше проявляться черты агрессивности, столь ценимой нашими респондентами в российских политиках. И это главный позитивный итог. В то же время в образе появился и ряд негативных моментов, которых раньше респонденты не замечали. Так, он стал восприниматься как менее самостоятельный и независимый политик. В его образе появились ранее мало заметные черты меркантильности и подозрения относительно связи его мотива власти с деньгами.
- 8 Таким образом, можно заключить, что победа на выборах, с одной стороны, укрепила лидерский статус Путина, до некоторой степени прояснила для общества его политические взгляды, привела к росту его привлекательности как политика, но с другой стороны, разделила его сторонников, которые уже не оказывают ему безоговорочную поддержку, а выставляют ему свои условия. Маловероятно, что в ближайшей перспективе те негативные элементы восприятия, которые были описаны выше, пошатнут его власть, но вполне очевидно, что такое состояние общества требует от него и его команды серьезных мер по выполнению предвыборных обещаний и ответа на запрос общества в честности и справедливости. При этом динамика восприятия бывших соперников Путина на выборах намного менее благоприятна, чем динамика его образа и, таким образом, позволяет ему в ближайшей перспективе оставаться неоспоримым национальным лидером. Приход же в политику новых партий и новых лидеров делает среду, в которой действует Президент, более конкурентной и не дает ему возможности расслабиться.
- 9 В отличие от ряда наших коллег, на которых мы ссылались вначале, наши исследования показывают, что усиление критических настроений в обществе не приводит к тому, что образ Президента утрачивает свой потенциал в силу того, что в отличие от критичного восприятия на рациональном уровне, те же респонденты на бессознательном уровне воспринимают Путина куда более позитивно, чем накануне выборов. Наши данные говорят о том, что у Путина, несмотря на рост критических оценок, сохраняется устойчивое электоральное ядро, которое оказалось не подвержено информационным атакам на него. Ни

о каком « беспрецедентном падении доверия» речи не идет. Наши данные не дают оснований для катастрофических сценариев, появляющихся в СМИ.

А.Д. Шинкарева
УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ
МОЛОДЕЖИ)

ШИНКАРЕВА Анастасия Дмитриевна – студентка Московского государственного лингвистического университета. E-mail: anastasiashinkareva@mail.ru

Молодежь является социальной группой, которая в большей степени, чем остальные, использует Интернет, и именно ее принято считать движущей силой политики. Вероятно, благодаря Интернету (возможности не выходя из дома принимать участие в политической жизни страны) молодежь сможет реализовать свой политический потенциал в будущем. По нашему мнению, одной из жизненно важных сфер сейчас выступает именно социально-политическая активность, тем более в XXI в., когда в связи с повышением общей демократизации общества происходит вовлечение граждан в данную сферу.

Интернет, будучи столь популяризированным, берет на себя часть функций, что позволяет гражданам реализовывать свою активность в веб-среде. В XXI в. Интернет – это альтернативное пространство, где современный человек в силах и вправе организовывать свою деятельность. Когда речь идет о политической коммуникации, помимо прочего, человеку в некоторой мере предоставляется свобода: свобода слова, действия, потребления и отбора информации.

Социально-политическая активность в Интернете, как и иная любая, возможная для реализации в веб-среде, может полноправно рассматриваться как полноценная деятельность, способная формировать не только мнения миллионов пользователей, но и вытекать за грани виртуального пространства в форме протестов, демонстраций и обращений к властям.

Основными целями работы были оценка уровня и выявление особенностей социально-политической Интернет-активности московской молодежи.

В целях решения исследовательских задач было проведено исследование, которое состояло в опросе представителей московской молодежи по заранее разработанной анкете. Выборка включала молодых людей и девушек в возрасте от 17 до 30 лет, проживающих в Москве. Что касается выборочной совокупности, она составляет 574 респондента, соответствующих требованиям выборочной совокупности.

Методика изучения уровня социально-политической активности в Интернете сводится к тому, что после изучения и анализа теоретических материалов по теме (см. литература), было решено придерживаться той точки зрения, что социально-политическая активность в Интернете в основном сводится к коммуникативной. На основании этого было сформулировано авторское определение объекта исследования, в соответствии с которым и проводилось его эмпирическое изучение. Социально-политическая активность в Интернете рассматривается как коммуникативные действия, направленные на поиск, получение, потребление, производство и распространение информации, связанной с деятельностью политических институтов, событий, затрагивающих социально-политическую сферу общества.

На основании группировки (табл. 1) были высчитаны индивидуальные индексы для каждого респондента после проведения эмпирического исследования, а в дальнейшем проанализированы все показатели.

Таблица 1 Группировка видов социально-политической активности в Интернете с присвоением баллов

0,5 бала	
Поиск, получение, потребление (пассивное, не предусматривающее обязательного «переваривания» информации, на уровне «клика»)	Участие в группах в социальных сетях, посвященных социально-политическим проблемам
	Чтение тем на сайтах, форумах, в соцсетях, в блогах и т.п., где поднимаются политические вопросы
1 балл	
Поиск, получение, потребление (требующее выражения собственной точки зрения, но не предусматривающее каких-либо действий на постоянной основе)	Интернет-голосование по поводу новых законопроектов
	Голосования в поддержку каких-либо партии
	Оценка действий власти и социальных институтов в Интернете
2 бала	
Распространение (ненавязчивое донесение до других пользователей/представителей власти)	Обращение к органам государственной власти с помощью Интернета (на сайтах, форумах, в соцсетях, с помощью e-mail)
	Высказывание своей точки зрения в Интернете в отношении социально-политических вопросов
	Публикация статей, твитов, записей в блогах и т.п., посвященных социально-политической сфере страны
3 бала	
Производство	Ведение собственного блога на социально-политическую тематику
	Активное обсуждение и написание комментариев на сайтах, форумах, соцсетях, в блогах и т.п., где поднимаются политические вопросы
	Обсуждение законопроектов
4 бала	
Распространение (как агитация)	Попытки мобилизовать силы Интернет-пользователей для реального выступления
	Оказание влияния на мнения пользователей в отношении политических вопросов

Анализ результатов эмпирического исследования позволил сделать ряд выводов:

- доля молодежи, являющейся социально и политически Интернет-активной, сравнительно невелика (фактически 7% активных и 3% активистов);
- уровень социально-политической активности в Интернете тесно связан с непосредственно интересом к политике, удовлетворенностью социальными и политическими институтами страны;

- уровень социально-политической активности в Интернете зависит от того, насколько молодежь верит в то, что Интернет-среда способна повлиять на политическую сферу;
- активисты в Интернете не ограничиваются виртуальностью, а предпочитают использовать все ресурсы для реализации своих идей;
- доминирующим видом социально-политической Интернет-коммуникации являются социальные сети;
- для менее активных пользователей в основном характерны поиск, получение и потребление информации. Производство и распространение (особенно навязчивое) информации в большей мере характерно для активных и, особенно, активистов;
- о скрытом потенциале молодежи говорит тот факт, что, не будучи вовлеченными в реальную политическую жизнь страны, молодежь может участвовать в социально-политической активности в виртуальной среде;
- по итогам оценки потенциала Интернета как площадки для реализации социально-политической активности был составлен рейтинг топ-5 видов «точек роста» социально-политической активности в Интернете (табл. 2).

Таблица 2 Рейтинг видов социально-политической активности в Интернете (по вероятности увеличения доли Интернет-аудитории, причастной к ним)

1	Интернет-голосование по поводу новых законопроектов
2	Обращение к органам государственной власти с помощью Интернета (на сайтах форумах, соцсетях, в блогах и т.п.)
3	Попытки мобилизовать силы Интернет-пользователей для реального выступления
4	Голосование в поддержку (какой-либо партии, кандидата)
5	Обсуждение законопроектов

Литература:

- 1 Иванов Д.В. Идея информационного общества и Internet. — М.: МОСТ, 1999.
- 2 Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодежь в современном политическом процессе в России. — М.: Изд-во СГУ, 2006.
- 3 Киселев А.А. Интернет: модели и практики политического участия. — Краснодар, 2007.
- 4 Коряковцева, О. А. Управление развитием общественно-политической активности молодежи регионов // Материалы 7-й международной конференции факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. — М.: МАКС Пресс, 2009. С. 76–83.
- 5 Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. — М., 2002.
- 6 Песков Д.Н. Интернет-пространство — состояние премодеерна //Полис. 2003. № 5.
- 7 Политические коммуникации / Под ред. А.И. Соловьева. — М., 2004.
- 8 Суrowова О.В. Политическая социализация российской молодежи в условиях трансформации общества: Дисс. ... д-ра полит. наук. — Саратов, 2006.

- 9 Туронок С.Г. Интернет и политический процесс // Новое литературное обозрение, 2001.
- 10 Чирун С.Н. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности // Вестник томского государственного университета [Электронный ресурс]. – Электрон. журн. 2010, март. Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/332/image/332-050.pdf>.
- 11 Щенина О.Г. Формы участия молодежи в политическом процессе современной России: Дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2005.
- 12 Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation. Henry E. Brady; Sidney Verba; Kay Lehman Schlozman The American Political Science Review. Jun. 1995. Vol. 89, No. 2. P. 271–294 [Electronic resource]; <http://www.scribd.com/doc/22728591/Brady-Verba-And-Schlozman-1995>.
- 13 Dorina Guțu Tudor. The Influence of the Internet on the Political Information and Participation of Romanian College Students [Electronic resource]; http://www.safenet.bg/fileadmin/user_upload/safenetbook.pdf.
- 14 Postmes T., Brunsting S. Collective action in the age of the internet. Masscommunication and online mobilization // Social Science Computer Review [Electronic resource]. 2002.Vol. 20, No. 3. P. 290–301; <http://www.nslg.net/class/Collective%20Action.pdf>.
- 15 Rosenstone S.J.M. Hansen. Mobilization, Participation, and Democracy in America. – Longman Classics edition, 2003.